

Автономная некоммерческая организация высшего образования
**«Поволжская академия образования и искусств имени Святителя Алексия,
митрополита Московского»**

Кафедра филологии

Направление подготовки 45.03.01 Филология
Направленность (профиль) «Отечественная филология
(русский язык и литература)»

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

на тему:

«Образ России в лирике В. Набокова 1920-1960-х годов»

Выполнила студентка
4 курса группы ОФз-401
заочной формы обучения
Ефимова Ина Алексеевна

(подпись)

Научный руководитель:
Александр Анатольевич Ильин,
кандидат филологических наук, доцент

(подпись)

Допустить к защите:
Заведующий кафедрой
Филологии

(подпись)

Лариса Юрьевна Фадеева,
кандидат филологических
наук, доцент.

«__» _____ 2023 г.

Тольятти
2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава 1 Теоретический и историко-литературный аспекты исследования творчества В. Набокова	8
1.1 Судьба В. В. Набокова как отражение судьбы России: проблемы и перспективы изучения	8
1.2 Исследование жизни и творчества В. Набокова в отечественном и зарубежном литературоведении	19
Глава 2 Лирические образы России в раннем поэтическом творчестве В. Набокова.....	29
2.1 Идеино-художественное своеобразие раннего (доэмигрантского) творчества В. Набокова	29
2.2 Образ России в доэмигрантский период творчества В. Набокова.....	34
Глава 3 Эволюция образа России в предэмигрантской и эмигрантской лирике Владимира Набокова	40
3.1 Семантика образа России и в лирике Набокова предэмигрантского периода	40
3.2 Духовно-историческое содержание образа России в эмигрантской лирике В. Набокова.....	47
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	52
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	55

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы выпускной квалификационной работы, посвященной исследованию образа России в творчестве Владимира Набокова, определяется целым рядом обстоятельств. Во-первых, Владимир Набоков – один из самых известных и влиятельных писателей русского происхождения XX века, и его поэзия является неотъемлемой частью его литературного наследия, несмотря на то, что широкой публике он известен в первую очередь как писатель и автор крупных романов – «Дар», «Лолита», «Защита Лужина» и пр. Изучение поэтического наследия В. Набокова позволяет нам лучше понять его творчество и в полной мере оценить вклад в мировую и отечественную словесность. Поэзия Владимира Набокова отражает культурный контекст того сложного исторического времени, в котором ему довелось родиться и жить, и в ней, как и в целом в его творчестве, преломилась та драма, которую пережила Россия накануне, вовремя и после революции 1917 года. Изучение поэзии Набокова позволяет лучше понять, чем жил писатель в каждый из периодов своей жизни, неразрывно связанных с судьбой России, как переживал сложные исторические события и личные, интимные события собственной биографии, как они повлияли на его не только прозаическое, но и поэтическое творчество.

Значимость образа России в лирике В. Набокова огромна. Он – один из тех писателей рубежа XIX-XX веков, чья жизнь, как и жизнь многих его современников и России в целом, разделилась в 1910-1920-е годы на две половины: до большевистской революции и после нее. Как представители стародворянского рода, ни его семья, ни сам Владимир Набоков не смогли принять того социального слома, который произошел в стране вследствие большевистской революции (писатель называл его не иначе, как переворотом [39, с. 8]). Более того, Набоковы как убежденные носители старой дворянской культуры и эстетики оказались в новой социалистической реальности «не ко двору». По сути, чтобы оставаться верными идеалам и России прошлого,

которые они так ценили, Владимиру Набокову и его семье после революционных событий 1917 года не оставалось ничего другого, как покинуть родину и искать нового пристанища за рубежом. Кроме того, их отъезд был связан с той физической опасностью жизни, которую нес для них большевизм и новая российская власть.

Для Владимира Набокова ситуация вынужденной эмиграции была обусловлена и тем, что он, несмотря на то, что в 1917 г. был еще весьма юн (писатель родился в 1899 г., и на момент революции ему едва исполнилось 18 лет), оказался непосредственно причастен к деятельности Временного правительства, действовавшего в России между февралем и октябрём 1917 года. Как сам писатель указывал позднее в своих воспоминаниях, он «в течение тех двух месяцев (...) находился на посту Управляющего делами Временного Правительства» и «чуть не ежедневно присутствовал при закрытых его заседаниях» [39, с. 8], хотя до этого «с начала войны и до самой революции (...) был оторван от политической и – в частности – от партийной жизни и следил за нею только извне, как сторонний наблюдатель» [39, с. 12]. Таким образом, Владимир Набоков был непосредственно причастен к тем политическим событиям, которые происходили в России в 1917 году, хотя и не был в числе тех, кто мог активно влиять на их ход. Тем не менее, роспуск Временного правительства и окончательный приход к власти большевиков не мог не сказаться на его положении и не стать самостоятельным мотивом для отъезда его семьи из России.

Эмиграция определила многое в жизни и творчестве Набокова. Среди прочего она повлияла на то, как стал воспринимать и представлять в своих стихах Набоков Родину – Россию. Образ России на протяжении всего творческого пути писателя имел для него большую значимость, но существенно менялся, если сопоставлять произведения раннего доэмигрантского (1916-1917 гг.), предэмигрантского (1918 г.) и эмигрантского (после 1919 г.) периодов творчества.

Степень изученности темы выпускной квалификационной работы – недостаточная, несмотря на то что в целом литературное наследие Владимира Набокова и его творчество изучены сегодня достаточно хорошо. Однако это касается, прежде всего, набоковской прозы, его романов. В настоящее время романному наследию писателя посвящены труды таких видных литературоведов, как В. Е. Александров [1], Б. Бойд [11], Н. Букс [16], К. Проффер [44], Л. К. Салиева [45] и др. Активно изучается и в целом писательский дар В. Набокова, его художественное мастерство. В этом ряду работ можно назвать труды таких авторов, как Н. Анастасьев [4], А. Бабинов [6], Г. А. Барабтарло [8; 7], Ж. Бло [9], С. Давыдов [20], Д. Б. Джонсон [21], А. Питцер [42] и др. Много внимания в литературоведении уделяется и биографии писателя, исследованию его жизни (Б. Бойд [13; 14], А. Зверев [25], Н. Мельников [32], Б. Носик [40] и др.).

Поэтическое творчество В. Набокова также исследуется, однако фундаментальных работ в этом направлении пока написано мало. Среди них можно назвать исследования В. Л. Гусакова [19], М. Э. Маликовой [26], Я. В. Погребной [43], В. Старка [46; 47], О. И. Федотова [52; 53] и некоторых других. К сожалению, вопрос о том, какой образ России запечатлел В. Набоков в своих лирических произведениях, пока целостно не изучен, в литературоведении целостного анализа эволюции образа России в поэзии В. Набокова пока не сделано, что подчеркивает особую актуальность настоящего исследования.

Объектом исследования в выпускной квалификационной работе является лирика В. Набокова в историко-литературном контексте.

Предмет исследования – образ России в лирике В. Набокова.

Цель работы – исследование образа России и его эволюцию в лирике В. Набокова на протяжении всего поэтического творчества автора.

Задачи исследования:

1) дать историко-литературный обзор жизни и творчества В. Набокова как отражения судьбы России;

2) изучить опыт исследования биографии и творчества В. Набокова в отечественном и зарубежном литературоведении;

3) определить место и значение раннего (доэмигрантского) творчества В. Набокова в контексте истории русской литературы;

4) проанализировать семантику образа России в доэмигрантский период творчества В. Набокова;

5) осмыслить поэтику образа России в контексте творчества писателя.

Методы исследования, использованные в дипломном исследовании, включают в себя историко-литературный, сравнительно-исторический, герменевтический, типологический.

Теоретическая значимость работы заключается в обобщении современных научных представлений об эволюции поэтического творчества В. Набокова во взаимосвязи с изменениями жизни писателя и в выводах о том, как это повлияло на изменение образа России в его лирике.

Практическая значимость исследования определяется тем, что в работе образ России в лирике В. Набокова рассмотрен как сквозной, эволюционирующий, что доказано материалами анализа конкретных стихотворений разных периодов его творчества. Материал работы в дальнейшем может быть использован педагогами в школьном курсе изучения русской литературы.

Научная новизна работы состоит в том, что в исследовании показано, что эволюция образа России в лирике В. Набокова во многом обусловлена биографией писателя, драматичными изменениями его жизни в период революции 1917 года, последовавшего переезда семьи писателя сперва из Петербурга в Крым, а затем – и вынужденной эмиграцией в Германию, а далее – и в США.

Структура работы включает в себя введение, три главы основной части, заключение и библиографический список. В первой главе работы изучены теоретические и биографические аспекты исследования творчества В. Набокова в мировом и отечественном литературоведении. Во второй главе исследования

рассмотрены лирические образы России в раннем поэтическом творчестве В. Набокова (до 1918 г.). В третьей главе работы проанализирована трансформация образа России в предэмигрантской и эмигрантской лирике Владимира Набокова.

Глава 1 Теоретический и историко-литературный аспекты исследования творчества В. Набокова

1.1 Судьба В. В. Набокова как отражение судьбы России: проблемы и перспективы изучения

Владимир Набоков – один из тех русских писателей современности, чья жизнь и судьба в полной мере отразили весь драматизм развития и преобразования России в XX веке. По сути, судьба писателя в некотором роде – это судьба самой старой, дореволюционной, имперской России, чье поступательное развитие на взлете начала двадцатого столетия было волюнтаристски нарушено и направлено в совершенно иное, прежде неведомое и в определенной мере неестественное для нее русло.

Владимир Владимирович Набоков родился 22 апреля 1899 года в Санкт-Петербурге в старинной, столичной аристократической семье, где помимо него было еще четверо детей. Род Набоковых восходил к сподвижнику великого полководца А.В. Суворова – генералу Александру Ивановичу Набокову (1749-1807) [55, с. 15].

Большое влияние на судьбу будущего писателя оказал его отец Владимир Дмитриевич Набоков, который был не только потомственным дворянином и аристократом, но и династийным юристом, поскольку являлся сыном Д. Н. Набокова – министра юстиции при Александре II. Кроме того, В.Д. Набоков для своего времени стал видным политическим деятелем, одним из лидеров Конституционно-демократической партии России (партии кадетов), а также талантливым журналистом и публицистом.

В то же время А. Мартынов полагает, что Владимиру Дмитриевичу Набокову в некотором смысле не повезло с судьбой. «При жизни, как до революции, так и в эмиграции он, несмотря на всю яркость своих дарований

оратора и политика оставался в тени политических коллег и оппонентов. А вскоре после трагической гибели в Берлине его образ был прочно заслонен талантами сына – знаменитого поэта и писателя» [57].

Тем не менее, судьба отца В. Д. Набокова оказала очень сильное влияние на будущего писателя В. В. Набокова. Окончив юридический факультет Петербургского университета, отец В. В. Набокова в начальный период своей карьеры состоял на службе в Государственной канцелярии при Государственном совете, являлся профессором уголовного права в Училище правоведения, занимал должность секретаря Санкт-Петербургского юридического общества, был гласным петербургской Городской думы, выступал в качестве автора многочисленных книг и статей по уголовному праву и политике, а также редактором газеты «Право». Среди публикаций В. Д. Набокова наибольшую известность получила изданная в 1922 году уже в эмиграции работа «Временное правительство» (1922), которая стала одним из основных исторических источников о падении режима Керенского.

Драматическое начало XX века с его политическими брожениями негативно сказалось на карьере В. Д. Набокова. В 1904 г. за свои политические убеждения он был лишен придворного звания камер-юнкера, но не отступил от исповедуемых политических идей. У него, как пишут исследователи, «довольно рано сформировались четкие убеждения: неприятие смертной казни, стремление к смягчению уголовного законодательства, расширению гражданских и политических свобод. Все это, в итоге, привело его как юриста сначала в «Союз освобождения», а затем в партию конституционных демократов» [57], в которой он вошел в центральный комитет с момента образования партии в октябре 1905 года. Кроме того, В. Д. Набоков занял должность издателя-редактора печатного органа кадетской партии – журнала «Вестник Партии Народной Свободы», а также стал соредактором газеты «Речь».

Активность участия В. Д. Набокова в политической жизни Российской империи по мере усиления политической борьбы в стране также усилилась.

Так, с избранием Первой Государственной Думы России В. Д. Набоков был избран ее членом, а через два дня после её роспуска указом Императора Николая II он примкнул к значительной группе депутатов Первой Государственной Думы, подписавших так называемое «Выборгское воззвание» – обращение от 9 (22) июля 1906 года «Народу от народных представителей», которое было составлено в Выборге и призывало жителей Российской империи к пассивному сопротивлению властям (гражданскому неповиновению) – не платить налоги, не ходить на военную службу и т. д. За такой «демарш» В. Д. Набоков был подвергнут трехмесячному заключению в петербургской тюрьме «Кресты».

Помимо участия в политической жизни страны, в частности, в деятельности первых Государственных Дум на долю В. Д. Набокова пришлась Первая мировая война, в которой он участвовал как офицер ополчения (с июля 1914 по сентябрь 1915 г.) и делопроизводитель при Главном Штабе в Санкт-Петербурге. Считая, что в военное время по своему служебному положению он должен быть вне политической и партийной жизни, В. Д. Набоков в период Первой мировой войны «следил за нею только извне как сторонний наблюдатель» [57, с. 12].

Наибольшее влияние на судьбу будущего писателя В. В. Набокова оказало то, что после февральского переворота 1917 года его отец В. Д. Набоков принял пост управляющего делами Временного правительства, хотя хотел быть в нем министром юстиции, а после апрельского кризиса продолжил работу в его юридическом отделе.

Большевистский переворот в октябре 1917 года привел к краху Временного правительства, и В. Д. Набоков как политик, непосредственной причастный к его работе, во имя безопасности семьи был вынужден уехать в Крым, где стал министром юстиции Крымского краевого правительства второго созыва. Но весной 1919 года это правительство пало, и тогда вместе с семьей (в том числе уже начавшим свою литературную деятельность сыном В. В. Набоковым), В. Д. Набоков эмигрировал в Лондон.

Таким образом, анализ показывает, что эмигрантская судьба будущего всемирно известного писателя В. В. Набокова была во многом predetermined судьбой и активной политической деятельностью его отца – В. Д. Набокова. Вынужденная эмиграция Набоковых после большевистской революции 1917 года из России, страны, которую оба – и отец, и сын – очень любили и с которой были тесно связаны древними корнями своего рода – была фактически неизбежной. Даже если бы отец писателя не вел активной политической деятельности в революционный период 1905-1917 гг., вряд ли бы судьба аристократического рода Набоковых после государственного переворота 1917 года могла сложиться иначе, как эмигрантская.

Окончательное решение об отъезде из советской России семья Набоковых приняла, находясь в Крыму. Там Набоковы некоторое время жили, наблюдая за развитием политической ситуации в стране, в доме в крымской местности Гаспри, который принадлежал падчерице товарища В.Д. Набокова по партии И. И. Петрункевича – графине С.В. Паниной. В этом доме гостил в 1904 году Л.Н. Толстой [58].

Переломным для семьи Набоковых стал 1919 год, когда не только пало Крымское краевое правительство, где работал В. Д. Набоков, но и стали поступать многочисленные сведения о расправах, творимых большевиками со всеми, кто не придерживался большевистской идеологии и не принимал новой, большевистской власти. Так, потрясением для Набоковых стало известие о том, что друзья В.Д. Набокова, кадетские лидеры Шингарев и Кокошкин, находившиеся в Петрограде в больнице, были заколоты штыками революционными матросами. Кроме того, хотя в пригородах Ялты, где жили Набоковы, было относительно спокойно, до них доходили слухи о лютых расправах новой власти в Севастополе.

То, как семья Набоковых переживала послереволюционное время 1917-1919 гг., наглядно показывают дневники отца писателя. В одном из них он писал: «Тревоги, страхи... Страшно угнетающее состояние...». Как отмечает Б. М. Носик, В. Д. Набоков в Крыму, хотя был здоров и силен, и ему не было

еще и пятидесяти, чувствовал, что вокруг царит смерть и что кольцо вокруг его и его семьи сужается [58].

Сам будущий писатель, который в период революционных преобразований был еще очень молод (18-20 лет), также осознавал, что происходящие в стране перемены – угрожающи и бесчеловечны. Позднее в своей мемуарной публицистической книге «берега» В. В. Набоков, в частности, очень образно описал те ужасы, которые их семье довелось наблюдать лично в период пребывания в Крыму в 1918-1919 гг. Так, писатель отмечал, что, когда в Крыму местное татарское правительство сменилось большевистскими Советами, «из Севастополя прибыли опытные пулеметчики и палачи, и мы попали в самое скучное и унижительное положение, в котором могут быть люди, – то положение, когда вокруг все время ходит идиотская преждевременная смерть, оттого, что хозяйничают человекоподобные, и обижаются, если им что-нибудь не по ноздре. Тупая эта опасность плелась за нами до апреля 1918 года. На ялтинском молу, где Дама с собачкой потеряла когда-то лорнет, большевистские матросы привязывали тяжести к ногам арестованных жителей и, поставив спиной к морю, расстреливали их; год спустя водолаз докладывал, что на дне очутился в густой толпе стоящих на вытяжку мертвецов» [35, с. 213].

На какое-то время в период, когда Ялта из-под власти Советов перешла под власть вошедших в нее немцев, ощущение подступающей со всех сторон смерти Набоковых отпустило. С немцами в Крым, по написанным позднее воспоминаниям В. В. Набокова, пришли «долгожданные тишина и порядок».

Б.М. Носик отмечает, что будущий писатель, а тогда еще очень юный начинающий поэт хорошо принял перемену власти и разделил радость населения от прихода немцев, а затем и Белой гвардии, наведших порядок на охваченной революцией крымской земле. При них Крым ожил после революционного большевистского разбоя. «В Ялте открылись многочисленные кафе на набережной – веселье накануне катастрофы было особенно буйным. (...) Набоков принимал участие в спектакле – он играл студента Фрица

Лобгеймера в «Забаве» Артура Шницлера, драматурга, весьма популярного в ту пору в России. (...) Вместе с братом Сергеем он часто бывал на соседской даче Токмаковых в Олеше. (...) В мае вместе с Белой армией появился в Крыму Юрик Рауш фон Траубенберг. Братья (...) проводили время в веселой Ялте, и Набоков даже собирался записаться добровольцем в один полк со своим любимым кузенком» [41].

В середине ноября 1918 года немцы ушли из Крыма, а по инициативе кадетов было сформировано местное правительство, в котором отец писателя В.Д. Набоков стал министром юстиции. Он предпринимал попытки восстановить на Крымском полуострове, истерзанном большевистским беззаконием, истинные закон и правосудие. Для этого В.Д. Набоков возрождал деятельность судов и почти забытое в пору войны правосудие.

Однако деятельность Крымского правительства, в котором активно работал В. Д. Набоков, была прекращена с наступлением на Крым красной армии, которая стала вытеснять с полуострова Белую армию, которая не смогла обеспечить защиту Ялты. Как следствие, в начале апреля 1919 года Красная Армия прорвала оборонительную линию и стала быстро продвигаться в Крым. Тогда настало время непосредственно задуматься об эвакуации. 8 апреля семья Набоковых покинула Ливадию, а 10 апреля министры Крымского правительства вместе с семьями (всего тридцать пять человек) сперва взошли на борт греческого судна «Трапезунд», державшего курс на Константинополь, а затем, пересев на другое, грязное греческое судно «Надежда» под артиллерийским обстрелом порта войсками Красной Армии отплыли из Крыма. С этим событием закончился первый, российский период жизни В. В. Набокова и начался второй, эмигрантский.

Итак, анализ показывает, что «исход» семьи Набоковых из России, охваченной большевистским мятежом, в эмиграцию, был постепенным. По сути, начался уже в период Октябрьской революции 1917 года, когда Набоковы покинули привычный им Петербург и временно поселились в особняке, расположенном в Крыму недалеко от Ялты [50], а закончился, когда с

изгнанием Белой армии из Крыма была прекращена работа Крымского правительства, где работал отец писателя, и утрачены всякие иллюзии относительно возможности продолжения пребывания семьи Набоковых в новой, советской России.

Помимо объективных исторических факторов начавшемуся в 1917 г. «исходу» семьи Набоковых из России многое способствовало и в духовном плане. В частности, это то, что Набоковы как представители высшей российской аристократии и интеллигенции уже отчетливо понимали, что прежняя Россия, которую они некогда знали и любили, неумолимо движется к своему краху. Как указывал в своих воспоминаниях сам писатель, «те, кто пережил в Петербурге зимы 1915-1916 и 1916-1917 гг., хорошо помнят, как с каждым днем нарастало сознание какой-то неизбежной катастрофы» [39, с. 28].

Это ощущение катастрофичности происходящего стало одним из важных движущих факторов, определивших отъезд семьи Набокова сперва из Петербурга в 1917 г. в Крым, а затем в 1919 г. – из Крыма за границу. Надежды Набоковых на хотя и окраинной, но все-таки российской крымской земле переждать «смутное» время не оправдались.

Первоначально, находясь в Крыму, они верили в то, что события в Петербурге-Петрограде 1917 года – не навсегда, и жизнь рано или поздно вернется в прежнее русло. Сам Набоков, как указывает в своем исследовании Б. Бойд, «подобно большинству людей – в том числе и многим большевикам, – (...) ожидал, что новая власть продержится не более нескольких недель или, быть может, месяцев» [14, с. 188]. И Крым, который на тот период еще не был захвачен большевиками, давал основания для таких надежд: Набоковы, несмотря на нестоличный быт, в целом имели возможность там, в своем «крымском убежище» вести вполне привычный для них образ жизни. Однако и ожидания конца большевистского переворота, и надежды на возвращение к мирной петербургской жизни продолжались недолго – около двух лет, до 1919 г.

Несмотря на то, что крымские земли на тот период были частью России, сам В. В. Набоков в своих воспоминаниях писал, что уже в Крыму он впервые почувствовал себя на чужбине, поскольку Крым показался ему «совершенно чужой страной: все было не русское, запахи, звуки, потемкинская флора в парках побережья, сладковатый дымок, разлитый в воздухе татарских деревень, рев осла, крик муэдзина, его бирюзовая башенка на фоне персикового неба; все это решительно напоминало Багдад» [35, с. 213]. Именно здесь он впервые «вдруг, с неменьшей силой, чем в последующие годы, (...) ощутил горечь и вдохновение изгнания» [35, с. 213].

Однако все-таки пребывание в Крыму, несмотря на метафизические переживания, не стали для В. В. Набокова и его семьи изгнанием в полном смысле этого слова. Само физическое изгнание произошло спустя два года, в апреле 1919 года, когда перед захватом Крыма большевиками Набоковы были вынуждены окончательно покинуть Россию и уехать в дальнее зарубежье. Таким образом, именно 1919 год стал рубежным в биографии писателя, разделив его жизнь на два периода – российский и эмигрантский.

Для понимания того, чем стала для В. В. Набокова Россия после изгнания, важно знать, прежде всего, что он потерял здесь. Как указывает Л. Хомайко, Владимир Набоков, выросший в доме с 50 слугами, бывший сыном известного политика и выдающегося человека, «рос убежденным в своей исключительности. Глупым играм со сверстниками предпочитал чтение, шахматы и ловлю бабочек. К 17 годам он получил в наследство от дяди миллионное состояние и огромное имение. В революции семья потеряла все. «Набоковский мальчик» стал нищим» [54]. Таким образом, уезжая в эмиграцию, как сам Набоков, так и его семья фактически все оставляли в стране, которая была захвачена большевиками: свою личную семейную историю, свое имущество, свой социальный статус, свои семейные могилы. Это был тотальный разрыв с родиной, новая советская власть забрала у семьи Набоковых все.

После вынужденного отъезда с родины писатель в разные годы жил в Германии, Англии, Франции, получил американское гражданство, а под конец жизни обосновался в Швейцарии.

Из этих географических миграций писателя по дальнему зарубежью можно сделать вывод о том, что свою новую родину Владимир Набоков искал очень долго, почти всю жизнь.

В первые годы за рубежом многое вызывало у него отвращение. Так, в одном из писем 1926 г. к своей жене Вере Владимир Набоков писал о Германии, где они пребывали весьма долгое время: «Меня тошнит от немецкой речи – нельзя ведь жить одними отражениями фонарей на асфальте, - кроме этих отблесков, и цветущих каштанов, и ангелоподобных собачек, ведущих здешних слепых, есть еще вся убогая гадость, грубая скука Берлина, привкус гнилой колбасы и самодовольное уродство. (...) Я предпочел бы Берлину самую глухую провинцию в любой другой стране» [50]. В этих строках писателя сквозит неприкрытое неприятие реалий страны, которая хотя и дала его семье приют, но осталась чужой для писателя. Чужой, прежде всего, ментально, духовно.

В 1934 году Владимир Набоков с семьей переехал в Париж, который он тоже воспринял отстраненно, хотя и не так неприязненно, как Берлин в свое время. В интервью 1959 года изданию «Arts» писатель воспроизвел свои первые впечатления от Парижа образца 1934 года: «Город стал декорацией за стеклом автомобиля, с Эйфелевой башней или базиликой Сен-Крё вместо задника» [50].

Как видно, Набоков и Париж не принял как родной, родственной его душе город. Скорее столица Франции стала для него скорее красивой и уютной бутафорией, нежели новой, близкой сердцу родиной. Только в Америке, куда писатель с семьей перебрался после того, как нацисты оккупировали Францию, в речи Владимира Набокова впервые снова стало появляться слово «дом».

Исследователи указывают, что отъезд Набокова с семьей в Америку состоялся в конце мая 1940 года. При этом «после многих лет нищеты, ему

удалось выехать из Франции с шиком. За сорок лет до этого отец Набокова решительно выступал против узаконенного в России антисемитизма, и в благодарность еврейская благотворительная организация помощи беженцам, зафрахтовавшая судно «Шамплен», поместила Набоковых в огромную каюту первого класса» [14, с. 261]. Это стало своего рода предзнаменованием о скорейшем повороте судьбы писателя к лучшему.

В Америке, действительно, писатель впервые после европейских скитаний испытал давно забытое ощущение дома, родины. Как указывает в своем исследовании Б. Бойд, в конце июня 1940 г. в самый начальный период пребывания Набокова в Америке ««Новое русское слово» взяло у него интервью о его первых ощущениях на новом месте. Он ответил, что чувствует себя замечательно – как дома». И это ощущение сохранится у писателя до конца жизни. Так, в 1964 году, давая интервью журналу «National Observer», Набоков снова, как вскоре после приезда в Америку в 1940 году, признается, что «теперь Америка мой дом. Это моя страна. Ее интеллектуальная жизнь мне подходит гораздо больше, чем в других странах» [50].

Итак, анализ судьбы В. В. Набокова показывает, что эмигрантская судьба была во многом была для писателя предопределена. В России, охваченной большевизмом, Набоковы, представители древнего аристократического рода, чьи предки были многие годы приближены ко двору, были обречены либо на смерть, либо на обнищание и лагеря, либо на вынужденную эмиграцию. Можно говорить о том, что потеря России как старого семейного дома для Набоковых в целом и для В. В. Набокова в частности была бытийно и исторически предопределена. А значит, В. В. Набоков в силу тех же бытийных и исторических обстоятельств и предпосылок был обречен на поиск и в течение жизни нового для себя дома и новой родины Набоков. К их обретению он пришел, но уже будучи очень зрелым человеком, фактически, только во второй половине жизни, ближе к ее концу.

Из приведенных цитат из интервью писателя можно сделать вывод, что только Америка после долгих лет эмигрантских скитаний дала Владимиру

Набокову давно забытое ощущение родины, дома. Не случайно, именно про Америку он говорил, что здесь у него «больше друзей и родственных душ, чем где бы то ни было» [50]. Вероятно, поэтому к концу своей жизни писатель ощущал себя именно американским гражданином, и когда его спрашивали о возможном возвращении на историческую родину, он отвечал, что «ни в одну страну предков никогда больше не ступит нога этого американского гражданина» [50]. Это вполне объясняет то, что, наконец, в самом конце жизни, в 1969 году, в своем интервью британскому журналисту Дж. Моссмену на его вопрос о России, Владимир Набоков, уже обретя для себя в душе новую родину – Америку, нашел силы сказать пронзительные по своей прямоте и честности слова: «С Россией покончено. Это сон, который мне приснился. Я придумал Россию. Все кончилось очень плохо. Вот и все» [50].

Таким образом, краткий обзор биографии Владимира Набокова, особенно – изучение истории эмиграции его и его семьи из России после революции и долгого пути скитаний писателя по зарубежью – показывает, что для его личной истории ранняя потеря Родины, России стала сильным ударом. Набоков длительное время не мог в своей душе принять ни одну из тех стран, где он жил в эмиграции, несмотря на то что эти страны давали ему возможность работать, не бояться за свою жизнь, заниматься творчеством. Долгое время он все зарубежье ощущал как неродное, как то, что не является для него домом. Перелом в сознании писателя произошел только в 1940-е годы, когда он, спасаясь от нацизма, вновь был вынужден бежать, эмигрировать. Вторая европейская эмиграция привела его в Америку, где, наконец, писатель смог снова произнести для себя заветные слова «дом», «родина». И это привело его к поэтическому переосмыслению образа России, который даже в эмиграции всегда его сопровождал. Насколько биографическая метаморфоза писателя нашла свое отражение в лирике Владимира Набокова, показывает все его литературное творчество.

1.2 Исследование жизни и творчества В. Набокова в отечественном и зарубежном литературоведении

В. В. Набоков, ставший после эмиграции из России к середине XX века одним из наиболее известных писателей русского зарубежья, вызывает огромный интерес у литературоведов уже на протяжении более чем полвека, и этим объясняется значительный массив научных публикаций, посвященных анализу как биографии писателя, так и его творчества.

Биографическое направление литературоведческих исследований в набоковедении ведет свой отсчет от написанной и изданной еще при жизни В. В. Набокова работы Э. Филда «Набоков: его жизнь в частностях» [60]. Это издание положило начало зарубежному направлению исследований биографии писателя. Как отмечает М. Э. Маликова, несмотря на то что написанная Э. Филдом биография В. В. Набокова стала «единственной, написанной при жизни писателя и в тесном общении с ним», сам исследователь, «по его собственным словам, был подвергнут Набоковым и набоковедами «несправедливой дискредитации»» [29, с. 220-238]. Это было связано с тем, что по мере создания Э. Филдом биографии писателя и направления ему черновиков работы для ознакомления отношение В. В. Набокова к книге и самому биографу сильно менялось. В конечном итоге писатель обвинил Э. Филда в «намеренной попытке повредить его личной репутации» (письмо Набокова от 8 августа 1973 года [63, с. 517]). Позднее, уже после смерти писателя его сын Д. В. Набоков также нелестно отзывался о биографии, созданной Э. Филдом, называя ее «мутной бурдой из злобы, фальсификаций, инсинуаций и прямых фактических ошибок» [62].

Вследствие такого конфликта между биографом, писателем и его наследниками, биографическое исследование, созданное Э. Филдом, несмотря на его неоднократное издание за рубежом (в 1977, 1985 г.), крайне критически воспринимается литературоведами, изучающими жизнь и творчество В. В.

Набокова, а на русский язык эта ранняя биография писателя так до сих пор и не переведена.

Между тем, как полагает, например М. Э. Маликова, биография писателя, написанная Э. Филдом, достойна быть изданной для русского читателя, поскольку в отличие от всех более поздних жизнеописаний В. В. Набокова она, во-первых, написана в живом и непосредственном общении с писателем, а во-вторых, передает «острый, часто конфликтный, иронический, проникнутый живыми чувствами диалогический характер отношений биографа и биографируемого», что «способствует созданию... необычайно живого образа Набокова» [29, с. 220-238].

По мнению М.Э. Маликовой, биографическое исследование Э. Филда достойно включения в существующий корпус признанных работ по набоковедению, поскольку «Эндрю Филд, один из самых первых и лучших специалистов по творчеству Набокова, трудный и яркий человек, написал биографию своего любимого писателя, также человека трудного и яркого, в которой, в противоречии с созданной самим Набоковым «автобиографической персоной», представил другой, увиденный со стороны равнодушным взглядом его образ, не только собрав и изложив на свой лад огромный объем впервые приведенных им сведений о жизни и творчестве писателя, но и спровоцировав Набокова на живую и острую ответную реакцию и замечания» [29, с. 236].

Альтернативами ранней и ставшей скандальной биографии В. В. Набокова авторства Э. Филда в настоящее время являются довольно многочисленные исследования жизни и судьбы писателя, изданные уже после смерти писателя и написанные по документам и опыту общения биографов с родственниками В. В. Набокова и людьми, знавшими писателя при его жизни.

Среди них в настоящее время наиболее авторитетными считаются работы другого зарубежного биографа В. В. Набокова – профессора Оклендского и Принстонского университетов Б. Бойда. В настоящее время на русском языке изданы (сперва в 2001 и 2004 гг., а затем в 2010 г.) два взаимосвязанных между

собой тома биографии писателя его авторства – «Владимир Набоков. Русские годы» [14] и «Владимир Набоков. Американские годы» [13]. За рубежом эти биографические работы о жизни и судьбе В. В. Набокова впервые увидели свет еще в 1990-е годы (в 1990 и 1991 году соответственно). На сегодняшний день биографический двухтомник Б. Бойда является единственным авторитетным источником сведений о жизни и творчестве Набокова и считается самой точной и полной биографией писателя из всех, существующих в мире, на каком-либо языке.

Помимо работы Б. Бойда в зарубежном литературоведении внимания заслуживает написанная С. Шифф книга «Вера (Миссис Владимир Набоков)» [57], в которой жизнь и творчество В. В. Набокова рассматриваются сквозь призму серьезного биографического исследования жены великого писателя – Веры Набоковой. Такой ракурс рассмотрения писателя вполне оправдан в набоковедении, поскольку сам писатель говорил: «Без моей жены я бы не написал ни одного романа». Вера Набокова была возлюбленной и многолетней верной спутницей и музой В. В. Набокова, которая во многом определила его жизненный путь и творческий успех. Их судьбы были неразрывно связаны. В 2000 году биографическое исследование С. Шифф было удостоено Пулитцеровской премии.

Среди других работ о В. В. Набокове биографического плана следует упомянуть книгу Ж. Бло «Набоков» [9], работу М. Д. Шраера «Бунин и Набоков. История соперничества» [58] (посвящена многолетним и сложным отношениям между Буниным и Набоковым), Т. Урбана «Набоков в Берлине» [51] (посвящена берлинскому периоду жизни писателя), А. Питцера «Тайная история Владимира Набокова» [42] (посвящена исследованию прозы Набокова сквозь призму его биографии, отмеченной мировыми войнами, революциями, массовой эмиграцией), Дж. Грейсон «Владимир Набоков: биография» [61], Л. А. Зангане «Волшебник. Набоков и счастье» [24] и некоторые другие.

В российском литературоведении также сегодня существует несколько авторитетных исследований биографии писателя. Одной из наиболее ранних,

изданных в нашей стране биографических работ о жизни В. В. Набокова, стало исследование Б. Носика. Изданная в 1995 году, его книга «Мир и дар Владимира Набокова» [40] считается первой русскоязычной биографией писателя, которая открыла для отечественного читателя пространство жизни писателя.

Альтернативный взгляд на биографию В. В. Набокова представляет в России изданная в 2016 г. в серии «ЖЗЛ» книга литературоведа А. Зверева «Набоков» [25], где автором исследуются в их тесной взаимосвязи метаморфозы жизненного и творческого пути писателя, которые, по мнению автора, в точности повторяют метаморфозы времени, в котором ему выпало жить. А. Зверев показывает, как отдельные историко-биографические факты (революция, исход интеллигенции из России, невозможность жить без Родины и невозможность на Родину вернуться) повлияли не только на жизнь, но и на творческую судьбу Набокова. Именно в драматических фактах биографии писателя литературовед видит и отзвуки пушкинской традиции в его ранних произведениях, и нарочитую бездомность, и поиск своего места в чужой культурной традиции и даже отказ от родной речи в качестве средства самовыражения в более позднем, эмигрантском творчестве писателя.

Также в числе работ, позволяющих российскому читателю составить представление о жизни и биографии В. В. Набокова, следует назвать изданную в 2002 г. «Независимой газетой» книгу «Набоков о Набокове и прочем» [33]. Это издание содержит редкие фотографии и рисунки, представляющие своего рода визуальную летопись жизненного пути самого загадочного и «непрозрачного» классика мировой литературы, каковым в мире считают В. В. Набокова. Общий обзор биографического и творческого пути дан в книге Н. Хрущовой, созданной по материалам лекций, прочитанных на факультете журналистики МГУ в 2001 году [55]. Особого внимания заслуживает также сборник свидетельств и мнений о жизни и творчестве писателя, составленный из эпистолярных и дневниковых фрагментов, выстроенных в хронологическом

порядке в издании Н. Мельникова «Портрет без сходства. Владимир Набоков в письмах и дневниках современников» [32].

Таким образом, анализ показывает, что в настоящее время биографическое направление исследований в набоковедении широко представлено значительным рядом работ зарубежных и российских литературоведов, посвященных жизни и судьбе В. В. Набокова, и активно развивается.

Вторым важным направлением в набоковедении является исследование творчества писателя. Здесь можно выделить несколько групп работ в зависимости от их проблематики и тематической специализации.

Прежде всего, это исследования, посвященные художественному своеобразию, особенностям эстетики и творческого метода писателя, специфике художественных «миров» его произведений. Одним из первых изданных на русском языке исследований этого рода стала книга С. Давыдова ««Тексты-матрешки» Владимира Набокова» [20]. Впервые она была опубликована в Мюнхене в 1982 году. В своей книге С. Давыдов рассматривает проблемы эстетики, философии и поэтики В. В. Набокова.

Среди наиболее интересных исследований этого рода следует также назвать работы профессора Миссурийского университета Г. Барабтарло, лучшего переводчика сочинений В. В. Набокова на русский язык., - «Сверкающий обруч. О движущей силе у Набокова» [7] и «Сочинение Набокова» [8]. В первой из названных книг, вышедшей на русском языке в 2003 году, Г. А. Барабтарло исследовал философские основания, на которых строится художественное мировоззрение Владимира Набокова. Во второй работе им поставлена задача описания всех произведений писателя в их совокупности – в качестве глав единого целого. Решая эту задачу, Г. А. Барабтарло исследует не только «оснащение словесной выразительности» в произведениях писателя, но и «силу испытующей мысли» его произведений. Основное внимание исследователь обращает на метафизическое и нравственное содержание творчества В. В. Набокова, его теорию искусства и философию.

Значительный вклад в изучение не только биографии и судьбы В. В. Набокова, но и его художественной эстетики внес также Б. Бойд. Заслуживающей особого внимания в этой связи является его книга «По следам Набокова. Избранные эссе» [15], в которой литературовед показывает творчество писателя как богатое и эстетически сложное явление и при этом как единую систему – стройную конструкцию, где каждая часть (этика, гносеология, метафизика, психология, нарратив, история литературы, художественный перевод, поэзия, шахматы, бабочки) гармонически соотносится с целым и этим целым обуславливается.

Для понимания эстетики прозаического творчества В. В. Набокова большое значение имеет исследование О. Дмитриенко [22], в котором на материале русскоязычной прозы писателя литературовед исследует корни его поэтики. Ею выявлены связи романов и рассказов писателя 1920-30-х годов со славянской мифологией и фольклором, с разными жанрами средневековой религиозной литературы и традицией исихазма. Она мастерски вскрывает мистериальные и метафизические аспекты бытия героев В. В. Набокова (в частности, характерно набоковского героя ученого-энтомолога).

Также значимым исследованием эстетики В. В. Набокова является работа А. Бабилова «Прочтение Набокова: Изыскания и материалы» [6], где на основе обширного архивного материала им рассмотрены все основные составляющие многообразного литературного багажа писателя в их неразрывной связи: поэзия, театр и кинематограф, русская и английская проза, мемуары, автоперевод, лекции, критические статьи и рецензии, эпистолярный. Значительное внимание в «Прочтении Набокова» уделено таким малоизученным сторонам набоковской творческой биографии как его эмигрантское и американское окружение, участие в литературных объединениях, подготовка рукописей к печати и вопросы текстологии, поздние стилистические новшества, начальные редакции и последующие трансформации замыслов «Камеры обскура», «Дара» и «Лолиты». Важным достоинством исследований А. Бабилова о Набокове является то, что он

предлагает целостный взгляд на феномен Набокова как двуязычного писателя, не упрощая и не разделяя его искусство на «русский» и «американский» периоды.

В числе литературоведческих работ рассматриваемой группы также следует назвать вышедшее в 2019 году исследование М. Шульмана «Набоков, писатель. Манифест» [59], которое представляет собой своеобразный «путеводитель» по карте воображаемых миров Набокова и по их основным законам, а также книгу В. Е. Александрова «Набоков и потусторонность» [1], где детальному анализу подвергнута поэтика русско- и англоязычной прозы писателя.

Вторую обширную группу литературоведческих работ в направлении, связанном с исследованием творчества В. В. Набокова, составляют анализы его художественной прозы, прежде всего, романов писателя.

В этом ряду, в частности, следует назвать, прежде всего, работы Н. Букс «Эшафот в хрустальном дворце. О русских романах Владимира Набокова» [17] и «Владимир Набоков. Русские романы» [16], в которых французская исследовательница провела глубокий анализ русских романов писателя («Машенька», «Король, дама, валет», «Камера обскура», «Приглашение на казнь», «Подвиг» и «Дар», «Защита Лужина»), раскрыв в них разнообразные исторические и литературные аллюзии и загадки.

К работам Н. Букс примыкает исследование «Феномен Набокова» [3], где основное внимание литературоведа Н. Анастасьева обращено к анализу основных прозаических произведений В. В. Набокова: «Защита Лужина», «Отчаяние», «Дар», «Приглашение на казнь», «Лолита», «Ада», а также исследование Д. Б. Джонсона «Миры и антимирy Владимира Набокова» [21], посвященное анализу основных мотивов, проходящих через все романы В. В. Набокова, - таких как анаграммы, шахматные задачи, тема двойников и «зеркальной» реальности.

В эту же группу литературоведческих исследований следует отнести многочисленные работы, посвященные отдельным романам В. В. Набокова.

Это, прежде всего, книга А. Долинина «Комментарий к роману Владимира Набокова «Дар»» [23], представляющая собой монументальное исследование поэтики произведения, очень дотошное, уснащенное ссылками и иллюстрациями, в котором Набоков предстает в необычном образе – азартного педанта, влюбленного и преданного русской словесности, современника политических и эстетических дискуссий межвоенных десятилетий, крайне оригинального философа. Роман «Дар» также глубоко исследован в работе Л. К. Салиевой [45], которая смогла раскрыть глубинную концептуальную структуру произведения, дала текстологически обоснованный разбор идейного содержания романа.

В ту же группу литературоведческих работ относятся исследования Б. Бойда ««Бледный огонь» Владимира Набокова. Волшебство художественного открытия» [12] и ««Ада» Набокова. Место сознания» [11]. В первом из названных исследований исследователь посвящает свой литературоведческий анализ одной из наиболее многомерных книг В. В. Набокова – роману «Бледный огонь», который считается самым загадочным произведением писателя и вершиной его англоязычного творчества. В своем труде Брайан Бойд предложил неожиданную и оригинальную интерпретацию романа, открыв в нем новое потайное измерение и неожиданное, скрытое писателем пространство литературной игры. В свою очередь во втором из своих исследований романов писателя Б. Бойд анализирует самый сложный, многогранный и многослойный, по отзывам специалистов, роман В. В. Набокова «Ада», сознательно написанный В. В. Набоковым так, чтобы ошеломить и запутать читателя. В своем исследовании Б. Бойд позволяет увидеть во внешне хаотичном переплетении сюжетных ходов, аллюзий и перекрестных ссылок романа единый тематический узор, строгую и изящную конструкцию, которая неожиданным, но свойственным Набокову образом переворачивает мир романа с ног на голову и превращает его из гимна чувственности в исследование сути и роли

человеческого сознания, его положения во времени и налагаемой им нравственной ответственности.

Среди авторитетных литературоведческих работ о романах В. В. Набокова также следует назвать исследование К. Проффера «Ключи к «Лолите»» [44]. Изданное впервые в 1968 году, оно стало первым детальным исследованием самого известного романа В. В. Набокова. В своей работе К. Проффер подробно рассмотрел многочисленные литературные аллюзии, на которых построена «Лолита», проанализировал стилистические приемы Набокова и расследовал детективные хитросплетения сюжета.

Свой вклад в исследование романного жанра в творчестве В. В. Набокова внес Б. Аверин. В своем сборнике статей литературовед рассмотрел романы писателя в широком контексте русской автобиографической традиции, в сравнении с произведениями о. П. Флоренского, И. А. Бунина, А. Белого, Вяч. Иванова, Л. Шестова.

Следует отметить, что сегодня исследование романного творчества В. В. Набокова в отечественном и мировом литературоведении активно продолжается. Помимо монографий выходит много статей, посвященных изучению отдельных аспектов поэтики романов писателя.

Еще одним направлением литературоведческих исследований творчества В. В. Набокова является изучение его поэтического наследия. Однако следует отметить, что поэтическому творчеству писателя в современном литературоведении уделяется пока недостаточное внимание. Основным объектом исследования филологов является его проза – романы, эссе и т.д. Поэтическое мастерство В. В. Набокова еще ждет своего глубокого, вдумчивого исследования.

В этом направлении литературоведческих работ можно выделить лишь несколько крупных исследований. Прежде всего, это работы О. И. Федотова «Между Моцартом и Сальери. О поэтическом даре Набокова» [53] и «Поэзия Владимира Набокова-Сирина» [52]. В своих монографиях О. И. Федотов не только проследил долгий биографический путь Владимира Набокова от Крыма

до Монтрё, но и системно исследовал его стихопэотику, выявив в ней начала моцартианства и сальеризма, раскрыв оригинальные стиховедческие идеи писателя, а также яркие проявления творческой саморефлексии, в частности, сохранившиеся в его архиве ритмодиаграммы в духе Андрея Белого. Также О. И. Федотовым были изучены отдельные знаковые мотивы лирики В. В. Набокова, в частности, мотивы чужбины и ностальгии, которые широко отразились в поэтическом творчестве писателя.

Свой заметный вклад в изучение поэзии В. В. Набокова внесла и Я. В. Погребная, которая в своей монографии [43] исследовала лирику писателя как часть его художественного космоса, ментального мира. Основной акцент в своей работе исследовательница сделала на проблеме целостности и единства космоса Набокова, реализуемой в лирике писателя, выступающей, с одной стороны компонентом мира Набокова, а с другой, самостоятельным, но не автономным миром, связанным с утверждением и развитием философских, онтологических и собственно эстетических принципов Набокова в границах лирического пространства. Я. В. Погребная выявила особую амбивалентность набоковской лирики, ее тяготение к синтезу с эпосом, с одной стороны, и к родовой автономности, с другой.

Среди других заметных литературоведческих работ, посвященных изучению лирики В. В. Набокова, следует сегодня назвать диссертационные исследования В. Л. Гусакова, изучившего игровое пространство стихотворений писателя [18], Ж. Н. Масловой [31], проанализировавшей в сравнении влияние английского языка и билингвизма на лирику В. В. Набокова и И. А. Бродского. Также внимания заслуживает статья И. Л. Галинской «Художественный мир поэзии Набокова», вышедшая в одноименном сборнике статей [56, с. 97-109].

Итак, анализ показывает, что поэтическое творчество Набокова также вызывает сегодня научный интерес литературоведов, и хотя комплексных, всеохватывающих монографий о лирике поэта пока издано мало, в целом научная работа в этом направлении ведется весьма активно.

Глава 2 Лирические образы России в раннем поэтическом творчестве В. Набокова

2.1 Идеино-художественное своеобразие раннего (доэмигрантского) творчества В. Набокова

В литературное художественное творчество Владимир Набоков, родившийся в 1899 году, пришел очень рано. Так получилось, что и в России, и в мире наибольшее признание среди всего творческого наследия писателя получили именно прозаические произведения – его романы «Лолита», «Дар» и др. В то же время как поэт, мастер лирического жанра он долгое время оставался непризнанным и среди публики, и среди литературных критиков. Между тем, как отмечается исследователями, сам Набоков «долгое время считал себя прежде всего поэтом: до выхода первого романа «Машенька» (1926) он опубликовал более четырехсот стихотворений (а написал около тысячи)» [26, с. 5].

Уже в раннем юношеском возрасте он, воспитанный в лучших традициях русской дворянской культуры, стал проявлять признаки писательского дарования и, прежде всего, именно в поэтической сфере. К тому времени, когда юному В. Набокову исполнилось всего 17 лет, у него уже был накоплен достаточный стихотворный «багаж», достаточный для издания первого в его писательской биографии поэтического сборника «Стихи», увидевшего в свет в тревожный предреволюционный 1916 год [37]. В дальнейшем это факт собственной биографии писатель художественно интерпретирует в романе «Дар», где герой произведения – поэт Годунов-Чердынцев, ставший одним из романых alter ego В. Набокова (каких было несколько), – точно также назовет свой первый поэтический сборник.

«Стихи» В. Набокова были изданы за собственный счет, на деньги, которые достались ему от умершего в тот год дяди В. Рукавишникова. Как отмечает В. Старк, в целесообразности издания этого первого сборника стихов усомнился один из людей, входивших в круг семьи Набоковых, – И. В. Гессен. Однако начинающий писатель и поэт нашел всецелую поддержку в своем отце В. Д. Набокове, который заметил на реплику Гессена, что у сына свое состояние, к тому же, по его мнению, «Володя пишет стихи, и недурные» [47]. Для того, чтобы поддержать сына в его поэтических начинаниях В. Д. Набоков также отправил сборник сына Корнею Чуковскому. В ответ был получен вежливый отзыв, но, как бы по забывчивости, Чуковский приложил к письму разносный черновик.

Эта история, связанная с появлением первого сборника лирических опытов В. Набокова, показывает, что на первых порах литературное творчество будущего всемирно известного писателя получило поддержку и бесспорное одобрение только в семейном кругу, тогда как первые читатели и критики восприняли сборник «Стихи» сдержанно, с определенным сомнением, неоднозначно.

Позднее, став известным писателем, сам В. Набоков не переоценивал значимости сборника «Стихи» для своей творческой биографии, не случайно в автобиографической книге «Другие берега», вспоминая историю его создания, характеризовал книгу как «исключительно плохую» и даже высказывал мнение, что «никогда бы не следовало ее издавать» и что «ее по заслугам немедленно растерзали те немногие рецензенты, которые ее заметили» [35, с. 41].

Исследователи отмечают, что не оценили первый поэтический сборник В. Набокова не только люди близкого к семье круга и знакомые рецензенты, но, прежде всего, представители поэтического сообщества России, например, В. В. Гиппиус и З. Гиппиус. Первый, по воспоминаниям самого В. Набокова, «принес как-то экземпляр его сборничка в класс и подробно его разнес при всеобщем, или почти всеобщем, смехе» [35, с. 38]. В свою очередь Зинаида

Гиппиус, как-то встретившись с отцом будущего писателя В. Д. Набоковым, заметила ему, что его сын «никогда писателем не будет» [35, с. 38].

Это несбывшееся пророчество В. Набоков в дальнейшем в уже упоминавшемся романе «Дар», где герой во многом биографически повторяет самого писателя, следуя характерной для себя манере литературной игры, превратит в обратное – в сбывающееся пророчество: его герой поэт Годунов-Чердынцев о своем первом поэтическом сборнике из уст другой Зинаиды услышит обратное: «Я думаю, ты будешь таким писателем, какого еще не было, и Россия будет прямо изнывать по тебе».

Таким образом, появление первого стихотворного сборника стало для писательской судьбы знаковым, связанным с предсказанием, которое пророчествовало В. Набокову неудачу на литературном поприще, но вопреки этому стало началом великого восхождения писателя к своей всемирной славе.

Как и многие первые сборники в биографиях великих писателей и поэтов, набоковские «Стихи» 1916 года вызвал серьезные сомнения в молодом даровании по причине того, что в произведениях сборника не было глубокой философии и бытийственности, как это свойственно зрелой лирике выдающихся поэтов. Это был в полной мере сборник стихов очень молодого человека, который переживает яркие, первые, молодые эмоции, прежде всего, эмоции первой любви. Считается, что музой любовной (по преимуществу) лирики В. Набокова в этот период стала Валентина Шульгина, которая в дальнейшем будет выведена писателем под образом Машеньки в одноименном романе «Машенька» и в образе Тамары в «Других берегах». В. Старк полагает, что в жанровом отношении весь сборник «Стихи» представляет собой единый лирический «любовный цикл, состоящий из шестидесяти восьми стихотворений» [47], которые были написаны В. Набоковым с августа 1915 по май 1916 г. Это соответствует в целом периоду, когда существовал роман между будущим писателем и Валентиной Шульгиной: он начался летом 1915 года, «продолжался зиму 1915-1916 года в Петербурге, второе лето – в Выре-Рождествено и закончился осенью 1916 года. Все это время Набоков «не

переставал писать стихи к ней, для нее, о ней – по две-три «пьески» в неделю»» [26, с. 9].

Говоря о судьбе первого набоковского поэтического сборника «Стихи» 1916 года, следует отметить, что некоторые произведения из него В. Набоков в дальнейшем публиковал отдельно, например, в журнале «Юная мысль», который выпускался в Тенишевском училище, где В. Набоков учился и был автором и соредактором этого издания. В частности, в нем увидели свет такие стихи писателя, как «Цветные стекла» и «Осенняя песня», под заглавием «Осень». Последнее, в отличие от сборника «Стихи», получило высокую оценку С. Гессена в его печатной рецензии, где он отметил, «стихотворение В. Набокова «Осень» как заслуживающее большой похвалы и одобрения».

Тем не менее, в целом судьба поэтических произведений В. Набокова из первого сборника «Стихи» достаточно грустная. Сам писатель в дальнейшем довольно пренебрежительно к ним относился. В связи с этим интересно упомянуть цитату из изданного уже после смерти писателя в 1979 году в издательстве «Анн Арбор» почти полного собрания стихов, написанных В. Набоковым [37].

Делая предисловия к этому изданию, вдова В. Набокова Вера Набокова, в частности, отметила, что «сам Набоков считал, что все его стихи распадаются на несколько разделов» [37, с. 7]. В качестве первого раздела писатель выделял то, что, как он сам говорил, «можно несколько выпренно назвать европейским периодом его стихотворчества» [37, с. 7]. В этот период В. Набоков относил и стихи, созданные на «первоначальной фазе» его поэтического творчества, прежде всего, произведения из сборника «Стихи». Будучи уже зрелым мастером, сам В. Набоков, называл эту раннюю лирику не иначе, как «банальные любовные стихи» [37, с. 7] и не включал позднее в издававшиеся за рубежом сборники своих стихов, в частности, в редактировавшийся им самим сборник «Poems and Problems («Стихи и задачи»).

Не вошла лирика из сборника «Стихи» (как представляется, совсем неоправданно) и в почти полное издание поэзии В. Набокова 1979 года,

выпущенное в Мичигане издательством «Анн Арбор». В. Набокова, жена писателя, объяснила это тем, что в сборник не вошли, «во-первых, совсем ранние произведения, во-вторых такие, которые по форме и содержанию слишком похожи на другие и, в-третьих, такие, в которых он (В. Набоков) находил формальные недостатки. Отбор был сделан самим автором. Он собирался сделать еще один, более строгий смотр, но не успел» [37, с. 7]. Таким образом, из высказывания В. Набоковой следует, что в зрелом возрасте В. Набоков считал свои ранние лирические произведения, в том числе из сборника «Стихи», «банальным», несовершенными по форме и содержанию, имевшими формальные недостатки.

Рассматривая первый доэмигрантский период творчества В. Набокова, следует отнести к нему не только сборник 1916 года «Стихи», но и появившийся в Петрограде в 1918 году и созданный писателем совместно со своим одноклассником Андреем Балашовым поэтический альманах «Два пути» [3]. Хронологически стихи В. Набокова, вошедшие в него, написаны до предэмигрантского года в жизни писателя. Альманах готовился и должен был появиться еще в 1917 году, однако публикацию задержала революция, и сборник стал доступен читательской публике только в 1918 году, когда сам В. Набоков и его семья уже не проживали в Петербурге-Петрограде, а отбыли в Крым.

В издание вошли двенадцать стихотворений самого В. Набокова и восемь произведений А. Балашова. Уникальность этого небольшого альманаха состоит в том, что данное издание в творчестве писателя стало единственным за всю его жизнь, выпущенным в соавторстве. Как отмечала В. Набокова, «в дальнейшем, упоминая об этой книге, В. Набоков никогда не называл своего соавтора по имени (так как всегда опасался подвести тех, кто остался в Советской России)» [18].

«Генетически» набоковские стихи из альманаха «Два пути» связаны именно с самой ранней лирикой и относятся к самому первому периоду поэтического творчества В. Набокова. Они очень близки произведениям из

сборника «Стихи» 1916 года. М. Маликова отмечает, что «стихи Набокова из «Двух путей» представляют только малую часть написанного им в мае – августе 1917 года в Выре, собраны, кажется, без плана и отражают, главным образом, симпатичный юношеский витализм, выраженный символистской лексикой, которому отвечает вся природа» [26, с. 11].

Важно, что из этого, изданного совместно с одноклассником сборника «Два пути» одно стихотворение, представляющее раннюю лирику автора, В. Набоков все-таки позволил включать в более поздние издания, куда отбирал только лучшие в содержательном и формальном плане произведения. Это стихотворение «Дождь пролетел». Оно, в частности, открывает аннаборовский поэтический сборник его лирики 1979 года, подготовленный самим писателем. Это говорит о том, что в художественном отношении стихи из альманаха «Два пути» В. Набоков ценил несколько выше, чем лирику из первого сборника «Стихи».

Итак, краткий обзор самого раннего, доэмигрантского и еще докрымского периода поэтического творчества В. Набокова показывает, что именно в этот период писатель начал постепенно входить в литературную среду России. Его ранние стихотворения во многом несамостоятельны, еще несовершенны в художественном плане, не всегда встречают поддержку у критиков и знакомых. Однако важно, что именно с них В. Набоков начал свой путь. И именно в них он запечатлел наблюдаемый еще воочию, а не как в дальнейшем – только по памяти образ Родины, России, которую, несмотря на скорый отъезд в эмиграцию, пронесет с собой через всю дальнейшую жизнь.

2.2 Образ России в доэмигрантский период творчества В. Набокова

В самостоятельные сборники стихи о России В. Набоков не выделял ни в раннем, ни в позднем своем творчестве. Тема России на протяжении всего

литературного пути Набокова существовала в неразрывной связи с другими темами и мотивами его поэзии. Однако по мере развития личной биографической истории писателя образ России предстал в его лирике по-разному, что показывает сравнительный анализ образности его стихотворений, посвященных родине и созданных в разные периоды жизни.

Образ России появляется уже в ранней лирике В. Набокова – в его поэтическом сборнике 1916 года «Стихи», который был издан в Петрограде «художественно-графическим заведением» «Унион», на деньги самого писателя в количестве 500 пронумерованных экземпляров.

Особенностью ранней лирики Набокова является то, что в ней непосредственно стихов о России, где бы родина выступала центральным объектом поэтического осмысления, фактически нет. Однако все лирические размышления поэта в большинстве стихов пронизаны духом России, ее характерными образами.

Так, в стихотворении «В церкви» любовные переживания лирического героя разворачиваются на фоне экспрессивно воссозданного образа русской православной церкви. Хронотоп ситуации, в которой лирический герой обращается к своей возлюбленной (««Ты молишься? Кому? Тому ли, Кто страдал?»»), напоен светлой грустью, которая присуща русским храмам, их характерными приметами: «дымкой ладана», «иконами на стене», «старушками грустными в платочках».

Все это неразрывно связывается в сознании лирического героя с красотой и чистотой окружающего русского пейзажа – «весенней лазурью» неба и «радостью голубей».

Как русская церковь с ее ладаном и грустными старушками у поэта гармонично существует на фоне светлой, радостной красоты русской природы, так и возлюбленная лирического героя, молящаяся в церкви «тому, кто страдал», существует в его сознании на фоне светлой, радостной любви, которую он переживает. Тем самым у поэта происходит неразрывное слияние

чувств и мыслей лирического героя и его восприятия Родины через образ русской православной церкви.

В целом для ранней лирики В. Набокова характерно радостное, светлое восприятие России, ее пейзажей (будь то городские или загородные), праздников, русских традиций и пр. При этом, как и в стихотворении «В церкви», образы России часто тесно переплетаются и соседствуют с церковной, православной образностью. Примером может служить стихотворение «Пасха». Здесь описывается совсем иной пейзаж, чем в стихотворении «В церкви» - в деталях узнается образ парадного Петербурга, где в тот период жил В. Набоков:

Сверкал на солнце гранит дворцов.

Скользили тени. Пестрели флаги.

Казалось небо из синей влаги.

Казалось счастье из счастья снов.

Несколькими пейзажными деталями В. Набоков эскизно набрасывает образ парадно-праздничного Петербурга, встречающего один из главных православных праздников – пасху. Он не уходит в детализацию пейзажа, скорее, как экспрессионист, дает ряд крупных мазков («гранит дворцов», «пестрели флаги»), позволяющих читателю зримо увидеть образ Петербурга, вытянувшегося своими гранитными фасадами вдоль набережных и проспектов на фоне чистого, промытого петербургским дождями неба («казалось небо из синей влаги»). И, как и в стихотворении «В церкви», лирический герой В. Набокова на фоне этого русского, петербургского пейзажа переживает самые светлые, возвышенные чувства – любовь и восхищение возлюбленной, «счастье из счастья снов».

Вообще можно говорить о том, что образ России, являющийся в ранней лирике В. Набокова скорее фоновым, нежели центральным, формирует ту общую атмосферу, в которую погружен лирический герой поэта и на фоне которой он проживает и переживает свои самые светлые чувства. Это атмосфера характеризуется несколькими повторяющимися пейзажными

образами, формирующими на протяжении всего сборника «Стихи» (2016) несколько устойчивых сквозных мотивов:

- мотив небес;
- мотив света.

Небеса России в ранней дореволюционной лирике В. Набокова, как правило, всегда – голубого (лазурного) цвета, чистые, прозрачные, ничем не замутненные. Этот образ создается повторяющимися образами небесной лазури:

- «А в окне весенняя лазурь и радость голубей...» («В церкви»);
- «Лазурный поцелуй дарили небеса» («Ты помнишь этот день? Природе, умирая...»);
- «Усмешкою красной лазури бесстрастной грозят веселые клены» («Цветные стекла») и др.

Небесная лазурь России у Набокова – не только всеобъемлющая, но и всепобеждающая. Она побеждает облака, разгоняет тучи, как свет побеждает тьму:

- «Прорвали белый сон лазурью небеса» («Весна»).

Всего в сборнике «Стихи» (1916) образ лазури встречается 14 раз. Это по-настоящему лейтмотивный пейзажный образ России в ранней лирике писателя.

Второй устойчивый мотив, связанный в ранней лирике В. Набокова с пейзажными образами России, – это мотив света. Если лазурные небеса создают в ранних стихах поэта общий радостный и чистый фон для развертывания чувств лирического героя, то свет – отражает ту чистоту и ласку, которыми небеса России окружают и самого героя, и весь пейзаж вокруг. Свет этот, льющийся с небес:

- нежный, теплый, как молоко («в молочном свете липы округляет...» («Осеннее»));
- тонкий, как греза («Стекает греза света с неба многострунного...» («Кузнечнику кузнечик звучно откликается...»)).

Со сквозными русскими пейзажными мотивами неба и света в ранней лирике Набокова тесно связаны и другие. Например, образ светлячков, которых Набоков упоминает в своих ранних стихах многократно. Светлячки у него – словно порождение того небесно-чистого света, который окутывает собой его Россию и который даже ночью, во тьме освещает путь лирического героя и дает ему ощущение радости, полноты жизни:

- «Друг другу мигали в траве светлячки...» («Colloque Sentimental»);
- «В траве светлячок тот же самый сиял...» («Ты помнишь, как в парке, среди неги ночной...»)).

Светлячки у Набокова – как отражение той великой, божественной и всеохватной любви, которой небеса России покрывают и самого лирического героя, и его возлюбленную, и мир вокруг. В темноте ночи они – проводники этой любви и постоянно о ней напоминают герою:

- Ты помнишь, как в темной траве светлячок, любовью сияя, к нам в очи глядел? («Ты помнишь, как в парке, среди неги ночной...»).

Еще один характерный и сквозной пейзажный образ России в ранней лирике Набокова – это образ неги. Негой, нежностью у поэта пронизаны и небо («Под негою неба березы в оранжевом блеске стоят...»), и ночь («Ты помнишь, как в парке, среди неги ночной...»).

Важно отметить, что, несмотря на общее доминирующее светлое восприятие России поэтом в его ранней лирике, тем не менее, в ней появляются и драматичные образы – символы грусти, утрат и болезненных переживаний. Это в основном образы осенней и зимней русской природы.

Прежде всего, это дождь. Он может передавать целую гамму эмоций лирического героя – от легкой грусти («Надоедливый дождик порой паутиною мутной висит...» («Осень»)), смятения в душе («То дремлют, то шумя несутся к облакам нагие ветви; дождик окропляет и хлещет лужи» («Осеннее»)) до тревожного волнения, смятения («Я жду тебя, томясь в волнении влюбленном, зову... но плач дождя – единственный ответ» («Осеннее»)).

Второй образ в этом ряду – снег. Он хотя часто видится поэту как светлый, несущий свет («По снегу полосы ярко-голубые тянутся красиво к солнечным лучам»), но при этом снег в лирике Набокова – это то, что сковывает Россию, ее пейзажи и живущих в них людей («Спал беззвучно снегом сжатый городок»), отягощает, прижимает к земле, отвращает от неба («На опушке леса ели небольшие клонятся под снегом»), погружает в сон («Стелется снег, осыпая, небо и землю сливая в сон своего поцелуя»). Таковы же и снежинки, которые поэт тоже часто упоминает в своих стихах. Снежинки часто ассоциируются у него с онемением, обеззвучиванием, тишиной русской зимы («А снежинок рой, реющий, немой...»; «По небу в пляске беззвучной бродят снежинки далеко...»).

Итак, анализ показал, что образ России постоянно присутствует в ранней лирике В. Набокова, хотя и не является самостоятельным объектом поэтического осмысления и поэтической рефлексии лирического героя. Все образы России в ранней набоковской лирике – пейзажные и служат эмоционально-образным фоном, на котором разворачиваются душевные переживания лирического героя (любовь, разочарование, измена любимой и пр.). В целом в ранней лирике Набокова образ России очень чистый, гармоничный, наполненный небесным светом, лазурью, прозрачными, незамутненными красками. Это образ, пронизанный божественной любовью и несущий ее герою. Именно на фоне света и лазури небес России герой ранней набоковской лирике переживает свои лучшие чувства – любовь, упоение, восторг. Но в минуты грусти, разочарования, душевного разлада Россия и ее природа также рядом с героем. Он переживает печаль разлук и любовных расставаний с бесконечными осенними дождями, а утрату чувств и бесчувствие – вместе со сковывающими просторы России снегами и снежинками, погружающими в безмолвие. Россия в ранней лирике В. Набокова совершенно лишена каких-либо социально-политических коннотаций. Ее образ – сугубо лиричен и, как в поэзии романтизма, служит фоном или отражением личных душевных переживаний героя.

Глава 3 Эволюция образа России в предэмигрантской и эмигрантской лирике Владимира Набокова

3.1 Семантика образа России и в лирике Набокова предэмигрантского периода

Эмиграция, особенно вынужденная, – это травмирующий опыт для любого человека и, конечно, для такого тонко чувствующего, как писатель или поэт. Отъезд из России, охваченной большевизмом и «красным террором», в эмиграцию для семьи Набоковых и самого будущего писателя стал, безусловно, травмой, биографическим «разломом», разделившим их жизнь на «до» и «после». Но до того, как окончательно уехать из России, после большевистской революции 1917 г. семья Набоковых сперва перебралась подальше от грозных событий в российской столице в российский же Крым. Для творчества В. Набокова короткий период его жизни в Крыму стал предэмигрантским.

В Крыму В. Набоков увидел другую Россию, которая, хотя и была все еще его родной страной, но с совершенно иной природной, культурой и общей атмосферой жизни. Именно поэтому в стихах 1918 года, созданных перед отъездом из страны и в дальнейшем собранных им в сборнике «Стихи и схемы», образ России в лирике поэта существенно изменился. Можно говорить, что перемены в жизни привели и к изменениям образности стихов В. Набокова, созданных в этот период, в т.ч. посвященных России.

До рассмотрения самих стихов о России, созданных В. Набоковым в короткий «крымский» период его жизни, следует кратко охарактеризовать в целом его поэтическое творчество данного периода.

В 1918 году, уже непосредственно в Крыму, куда уехала семья Набоковых, писатель создал свой второй, исключительно авторский поэтический сборник «Стихи и схемы». Он появился после отъезда Набоковых

из охваченного революцией Петрограда. Опираясь на собственную набоковскую периодизацию его стихотворного творчества, сборник «Стихи и схемы» следует относить к «периоду, отражающему полное отвержение так называемой октябрьской революции» [37, с. 7].

«Стихи и схемы» – очень своеобразная книга, поскольку, во-первых, поэтические произведения в ней соседствовали вместе с диаграммами, шахматными задачами и другими заметками (наиболее явно это показывает стихотворение «Большая Медведица», написанное Набоковым в сентябре 1918 года, диаграмма полуударений которого повторяет форму созвездия [14, с. 183]), а, во-вторых, сборник был создан под явным влиянием ритмической теории А. Белого, с которой Вл. Набокова познакомил в Крыму М. Волошин и которая «на всю жизнь осталось основой поэтического мастерства для Набокова» [26, с. 12].

Еще одним важным в поэтической биографии Вл. Набокова событием «крымского» и предэмигрантского периода его жизни можно считать появление большого лирического произведения – поэмы «Светлой осенью». Ее значимость для творчества поэта Вл. Набокова отметил Б. Бойд, указав, что в этой поэме Вл. Набоков впервые описал свой «цветной слух» (*audition colorée*) [14, с. 175-176], причем не только цвет букв, как в «Даре» и автобиографии, но и более общее проявление синестезии – соотнесение определенных букв с разнообразными визуальными впечатлениями. «Оптическим лейтмотивом этой поэмы служат цветные стекла вырской веранды – образ веранды или беседки с «арлекиновыми стеклами» будет потом повторяться во многих произведениях Набокова как символ воспоминания и творчества» [26, с. 15]. Эту поэму Набоков из Крыма послал Валентине Шульгиной, своей первой возлюбленной, сопроводив их комментарием, что это «стихи о Выре, которые Вы одна можете понять» [14, с. 176].

Таким образом, и в «крымский» период своей писательской биографии В. Набоков продолжил выступать в литературном пространстве России почти исключительно как поэт, при этом поэт лирического склада. Прозаических

произведений, которые принесут ему в дальнейшем всемирную славу, Вл. Набоков еще не замыслил и не начинал, но, тем не менее, через создание стихов, их сведение в авторские сборники он начал входить в широкий мир литературного творчества. И поэтому «крымский» период 1918 года, как и более ранний период начального поэтического творчества писателя, следует считать очень важным в его литературной биографии, даже несмотря на то, что сам Вл. Набоков весьма пренебрежительно относился к своим поэтическим произведениям, созданным в эту пору и почти не включал их в свои издаваемые за рубежом сборники стихов.

Анализ показывает, что короткий «крымский» период, новые впечатления, полученные В. Набоковым в Крыму, существенно повлияли на его восприятие образа России и, соответственно, на его преломление в набоковской поэзии.

Прежде всего, поменялись пейзажные лирические зарисовки России в стихах В. Набокова. Вместо традиционных русских православных церквей и среднерусских пейзажей ранней лирики его поэзия наполняется непривычными для поэта образами исламской культуры и религиозности (Магомет, минарет, муэдзин и др.):

Вечер тих. Я жду ответа.
Светит око Магомета.
Светит вышка минарета
На оранжевой черте.
Безрассудно жду ответа,
К огневой стремясь мечте.
Муэдзина песнь допета.

Многие мемуаристы указывают, что крымская Россия не была воспринята поэтом как родная, русская земля. Такие выводы опираются на высказывания самого В. Набокова. В дневниках он писал: «Крым показался мне совершенно чужой страной: все было не русское, запахи, звуки, потемкинская флора в парках побережья, сладковатый дымок, разлитый в воздухе татарских деревень,

рев осла, крик муэдзина, его бирюзовая башенка на фоне персикового неба: все решительно напоминало Багдад...» [14, с. 178].

Это объясняет тот факт, что под влиянием восприятия крымской земли как неродной у В. Набокова и стали меняться и образы, с нею связанные. Так, если в ранней лирике пейзажи России были пронизаны у поэта небесным возвышающим светом, чистотой, яркими лазоревыми тонами, то пейзажи крымской России в стихах 1918 г., несут совсем иной свет – увядающий, замутненный, дымный и в целом – непонятный и неблизкий поэту:

Розы дымки, розы света

Увядают в высоте.

Как отмечает М. Маликова, «в Крыму семья Набоковых поселилась в Гаспре в имении графини Паниной – и Набоков «немедленно окунулся в пушкинские ориенталии» и «ощутил горечь и вдохновение изгнания» [26, с. 15]. Эта горечь также проникла в пейзажные образы крымской России В. Набокова. Она звучит, в частности, в финале его стихотворения «Вечер тих. Я жду ответа...»:

Я взываю. Нет ответа...

Если в дореволюционной лирике поэта привычное и понятное ему с детства лазоревое русское небо и свет, исходящий от него, были для Набокова тем гармоничным фоном, на котором разворачивались в унисон с ним чувства лирического героя, то в стихах 1918 г. поэт видит небо крымской России совсем иначе – как пространство, где горный свет «увядает», а чувства и мысли лирического героя, его душевные воззвания к этому небу не получают ответа.

Однако на фоне горечи изгнания и переживаемой В. Набоковым дисгармонии с крымской Россией именно в крымский период он в то же время становится ближе своей Родине в духовном плане. В частности, он начинает ассоциировать себя и свою судьбу с судьбами других изгнанников России, в частности, с А.С. Пушкиным.

Не случайно, именно в 1918 г. он пишет «Бахчисарайский фонтан» и посвящает его памяти великого поэта. Сам образ Пушкина, который остается в

стихе неназванным, очень узнаваем по деталям и органично входит в строки В.

Набокова:

Я вижу здесь его в косой полоске света, –

Густые волосы и резкие черты

И на руке кольцо, не спасшее поэта.

И на челе его – тень творческой мечты.

В святом предчувствии своих грядущих песен

Он – тихий – здесь стоял, и, – как теперь, – тогда

Носились ласточки, и зеленела плесень

На камнях вековых, и капала вода.

Таким образом, можно говорить, что в Крыму у поэта происходит парадоксальная поэтическая трансформация: отдалившись от привычной для него среднерусской России, ее небес, высокого чистого света, от ее православных церквей, от Петербурга с его мраморными фасадами, наконец, от всего того русского литературного и культурного контекста, который его окружал в родных местах, погружившись во внутренне чуждый, неродной для него пейзаж крымской России, его восточный колорит, мусульманскую экзотику, В. Набоков, тем не менее, обретает для себя более тесную духовную связь с культурой своей родной страны, с поэзией России.

В частности, через перипетии личной биографии он лучше начинает понимать лирику и судьбу самого известного поэтического изгнанника XIX века – А.С. Пушкина, и это существенно трансформирует образность его стихов. Если в первый дореволюционный период поэтического творчества образность лирики В. Набокова была экспрессивна, импрессионистична, то в крымский период – становится в большей мере ассоциативной, насыщенной скрытыми поэтическими цитатами и аллюзиями.

Таков, например, «Бахчисарайский фонтан», где очевидны многочисленные аллюзии к пушкинскому стихотворению «Храни меня, мой талисман...»:

И на руке кольцо, не спасшее поэта.

И на челе его – тень творческой мечты.

Крымские переживания поэта, ощущение оторванности от привычной ему России насыщают лирику Набокова 1918 г. и другими образами, которые ранее в ней отсутствовали. В частности, как некое напоминание о Родине, оставшейся вдали, в лирике поэта появляются русские журавли и русские золотые рощи («Шумела роща золотая...»):

Шумела роща золотая,
Ей море вторило вдали,
И всхлипывали, пролетая,
Кочующие журавли...

В образе кочующих журавлей, улетающих из России на юг, поэт с очевидностью узнает самого себя.

Важно отметить еще одну характерную особенность образа России в лирике В. Набокова крымского периода. В целом, как и в ранний период, стихов, непосредственно посвященных России и ее судьбе, во время проживания в Крыму В. Набоков не писал.

Однако социальная тема русской трагедии – революции уже стала проникать в ткань его стиха. Примером тому может служить стихотворение «Среди обугленных развалин...», пятое четверостишие которого является безусловным перифразом событий, происходящих в охваченной революцией большевистской России:

Там занимаются пожары,
там, сполохами окружен,
мир сотрясается, и старый
переступается закон.
Там опьяневшие народы
ведет безумие само, -
и вот на чучеле свободы
бессменной пошлости клеймо.

Ту родную, оставшуюся вдали от него Россию поэт воспринимает как мир, охваченный безумием и «пожаром». Важно при этом, что, все понимая очень глубоко и давая всему происходящему очень точные, хотя и образные оценки, сам поэт дистанцирует себя от русской драмы:

Я в стороне. Молюсь, ликую,
и ничего не надо мне,
когда вселенную я чую
в своей душевной глубине.

Как видно из приведенной цитаты, альтернативой утраченной и охваченной мятежом Родины в стихах В. Набокова крымского периода становится вся вселенная, которой отдает себя поэт. Эта вселенная входит в него и становится на какой-то период заменой тех привычных и родных ему русских образов, которые прежде наполняли его лирику. Не случайно, именно в этот период на смену образам русского лазоревого неба и света в лирику Набокова приходят образы звезд, светил, небес, «хрустального шара» вселенной, вечности, наконец:

В хрустальный шар заключены мы были,
и мимо звезд летели мы с тобой,
стремительно, безмолвно мы скользили
из блеска в блеск блаженно-голубой.
И не было ни прошлого, ни цели,
нас вечности восторг соединил,
по небесам, обнявшись, мы летели,
ослеплены улыбками светил.

Переключение с социальных потрясений пылающей в революции России на образы вечности, Вселенной, а также переключение с собственных переживаний ситуации изгнания на поэтическое осмысление опыта других поэтов-изгнанников России (А.С. Пушкина, прежде всего), по всей видимости, помогало В. Набокову пережить тяжесть разрыва с привычной русской средой в крымский период его жизни.

3.2 Духовно-историческое содержание образа России в эмигрантской лирике В. Набокова

Значительный массив лирики В. Набокова, в том числе стихов о России, был создан уже в эмиграции, то есть когда он окончательно покинул страну в 1919 г. и стал жить за границей. Важно отметить, что именно в эмигрантской лирике В. Набокова впервые появляются стихи, непосредственно обращенные к России, нацеленные на осмысление ее судьбы, произошедшей драмы и собственного отношения поэта к своей далекой Родине. Одно из первых таких стихотворений было создано уже в 1919 году и получило одноименное название «Россия»:

Образ России в этом стихотворении впервые выведен поэтом на первый план лирического переживания. Более того, если раньше Россия была фоном для проявления лирических чувств поэта, то здесь она становится центральным лирическим персонажем, адресатом поэтического слова В.Набокова. К России он обращается на «ты», как к единственной близкой, хотя и ужасающей своим нынешним видом Родине:

Когда надо мною ночь плещется звездная,
Я слышу твой реющий зов.
Ты – в сердце, Россия.
Ты – цепь и подножие,
Ты – в ропоте крови,
В смятенье мечты.
И мне ли плутать в этот век бездорожия?
Мне светишь по-прежнему ты.

Как видно, Россия уже в первых стихах лирики Набокова, созданной в эмиграции, предстает не тем безмятежным краем, где чистая лазурь и с небес льется свет. Россия Набокова теперь совсем другая – мятежная, потерявшая покой, грозная, «в ропоте крови, в смятенье мечты». Это страна, погрузившаяся

в беззаконие, преступность, погнавшаяся за непонятной мечтой, но повергнутая самой этой мечтой в тяжелое смятение.

Лирический герой В. Набокова чувствует свою неразрывную, а оттого болезненную связь с этой пугающей и до боли родной Россией, отсюда его яркие, но грозные образы «реющего зова», страны, которая всегда «в сердце», которая навсегда и «подножие», и «цепь», приковывающая его и не отпускающая до конца того, кто покинул ее.

Таким образом, лирика Набокова показывает, что, едва оторвавшись от российской почвы окончательно, уехав из России в эмиграцию, В. Набоков со всей остротой понимает, что он, несмотря ни на что, - русский человек, и природа России, ее дух – это то, из чего он сам соткан. Как говорит его лирический герой в стихотворении «Россия»:

Была ты и будешь. Таинственно создан я
из блеска и дыма твоих облаков.

Поэтический диалог с Россией, начатый В. Набоковым в 1919 г. сразу вскоре после эмиграции, он пронесет через всю свою жизнь. После окончательного разрыва с Родиной в разные периоды жизни писателя этот диалог будет неизменно возобновляться, приобретая, однако, очень разную тональность.

В 1922 г. поэт напишет следующее стихотворение о России «Родина (Когда из родины звенит нам...)». По пронзительности чувств оно ничуть не уступает стихотворению 1919 года, хотя тональность стиха совершенно иная. Самой России в стихотворении посвящено лишь несколько слов. В начале стиха лирический герой, как и в стихотворении 1919 г., снова слышит зов Родины. Но это уже не «реющий зов», а «лукавый слух»:

Когда из родины звенит нам
сладчайший, но лукавый слух,
не празднословно, не молитвам
мой предается скорбный дух.

Таким образом, поэт ощущает некое лукавство, неправду в этом зове России, который он ощущает. Будто в нем есть неправда, обман, и сердце его лирического героя откликается на такой зов скорбью духа, болью сердца, клокотанием в горле.

И, тем не менее, поэт не обращает слова проклятья к своей лукавой Родине. Его слова обращены не к ней, а выше, прямо к Богу. Фактически, это слова молитвы:

мой клокот, клокотанье: Боже,
Ты, отдыхающий в раю,
на смертном, на проклятом ложе
тронь, воскреси – ее... мою!..

Как видим, как истинный сын своей Родины, бесконечно любящий, хоть и бесконечно страдающий от нее, лирический герой Набокова молит Бога об одном – чтобы он воскресил к жизни ее, Россию, пребывающую, как он считает, «на смертном, на проклятом ложе». Это – молитва отчаяния, молитва-требование, молитва-бунт против такой судьбы России, против гибели той светлой, лазурной Родины, которую он когда-то знал.

Еще одно стихотворение о России было создано В. Набоковым в 1927 г. «Родина (Бессмертное счастье наше...)». Здесь поэт создает совсем иной, чем в первые эмигрантские годы, образ Родины. Можно сказать, что поэт в чем-то в своем восприятии России возвращается к доэмигрантскому периоду, когда Россия еще не была самостоятельным предметом поэтического анализа, но была повсеместно разлита в его стихах, в их образности.

В стихотворении 1927 г. поэт называет Россию не иначе, как «бессмертное счастье наше». Из образа России у поэта уходят ранее звучавшие мотивы мятежности, лукавства. Родина предстает как место, которое всегда с поэтом, внутри, в душе, как край, которого «не видели краше», как место, где живут «гордые музы». Во многом стихотворение «Родина» 1927 г. – это стихотворение-воспоминание, где поэт воспроизводит в своем сознании любимые пейзажные образы России:

Спасибо дремучему шуму
лесов на равнинах родных,
за ими внушенную думу,
за каждую песню о них.

Как видно, Россия, Родина предстает в сознании поэта как то, что воспитало его, что сформировало его духовный мир (каждую «внушенную думу», «каждую песню»). Особенностью этого стихотворения, которое во многом диссонирует с другими эмигрантскими стихами Набокова о России, является то, что здесь доминирует эмоция полного принятия Родины. Ушло существовавшее прежде раздражение, подозрение в лукавстве, упреки в мятежности и грозном рыке.

Осознавая себя чужим в эмиграции, лирический герой поэта при этом признается себе, что Россия, далекая Родина была и остается той единственной «тайной», которой его «дом на чужбине случайной, где мирен изгнанника сон, как ветром, как морем, (...) Россией всегда окружен».

Однако следует отметить, что такое восприятие России в эмигрантской лирике Набокова – скорее исключение, чем правило. Это подтверждает и одно из стихов 1939 г. – стихотворение «К России», где поэт еще раз обращается к метафизическому общению со своей Родиной. Тональность диалога с ней уже совсем иная, нежели в 1919 г., 1922 г. и тем более 1927 г.:

Отвяжись, я тебя умоляю!
Вечер страшен, гул жизни затих.
Я беспомощен. Я умираю
от слепых наплываний твоих...
Дорогими слепыми глазами
не смотри на меня, пожалей,
не ищи в этой угольной яме,
не нащупывай жизни моей!
Ибо годы прошли и столетья,
и за горе, за муку, за стыд, –

поздно, поздно! – никто не ответит,
и душа никому не простит.

Диалог с Россией в этом стихотворении В. Набокова пронизан болью и отчаянием, поскольку, с одной стороны, сам поэт ощущает себя находящимся в «угольной яме» жизни, а с другой, ему вновь и вновь, видимо, не в первый раз уже, навязчиво и неотступно является образ России, с которой он порвал связи более 20 лет назад.

Образ страны, которую поэт покинул, строится в словах и сознании лирического героя В. Набокова по принципу парадокса. С одной стороны, глаза Родины, России ему бесконечно дороги, а с другой – сами эти глаза слепы и не видят его. С одной стороны, Россия смотрит в сторону лирического героя, как слепая женщина в сторону сына («дорогими слепыми глазами»), с другой, «и за горе, за муку, за стыд, – поздно, поздно! – никто не ответит».

В этом стихотворении выразилась вся глубина и весь драматизм переживания В. Набоковым чувства Родины, России. Она и бесконечно дорога ему, и она же – самый главный его мучитель, та, из-за которой поэт пережил и продолжает переживать целый комплекс противоречивых, исключаящих друг друга чувств: любви, презрения, муки, горьких сожалений. Отсюда – и резкое начало стиха, отчаянная и болезненная просьба, бросаемая героем стиха В. Набокова своей матери России: «Отвяжись, я тебя умоляю!». Так обычно говорят человеку, которого и любят, и от действий которого бесконечно страдают.

Таким образом, анализ показывает, что образ России в эмигрантской лирике Набокова существенно отличается от образа Родины, который поэт создавал в ранней доэмигрантской лирике и в стихах крымского периода. После эмиграции из страны Россия стала для поэта не просто органичным пейзажным фоном его стихов, но самостоятельным персонажем, участником многолетнего поэтического диалога, к которому Набоков неизменно обращался на протяжении всей своей жизни в эмиграции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в работе было проведено целостное исследование эволюции и особенностей поэтического образа России в лирике писателя и нобелевского лауреата Владимира Набокова.

Проведенный в работе биографический обзор показал, что судьба В. Набокова представляет собой в значительной мере отражение судьбы России в XX веке. Рубежным событием для биографии писателя стала революция 1917 года и последовавшая затем эмиграция семьи Набоковых из России, что привело В. Набокова к потере Родины, родного дома, страны, где он родился, вырос и где жили его предки. Изучение долгого пути скитаний писателя по зарубежью показывает, что для его личной истории ранняя потеря Родины, России стала сильным ударом. Набоков длительное время не мог в своей душе принять ни одну из тех стран, где он жил в эмиграции, несмотря на то что эти страны давали ему возможность работать, не бояться за свою жизнь, заниматься творчеством. Долгое время он все зарубежье ощущал как неродное, как то, что не является для него домом. Перелом в сознании писателя произошел только в 1940-е годы, когда он, спасаясь от нацизма, вновь был вынужден бежать, эмигрировать. Вторая европейская эмиграция привела его в Америку, где, наконец, писатель смог снова произнести для себя заветные слова «дом», «родина». И это привело его к поэтическому переосмыслению образа России, который даже в эмиграции всегда его сопровождал. Насколько биографическая метаморфоза писателя нашла свое отражение в лирике Владимира Набокова, показывает все его литературное творчество.

В работе был дан краткий библиографический обзор ключевых исследований, посвященных изучению жизни и творчества В. Набокова в отечественном и зарубежном литературоведении. Из рассмотренного показалось, что зарубежными и российскими учеными довольно широко и всесторонне изучена биография писателя, особенности его творчества, художественной

образности произведений, в целом эстетики писательского творчества В. Набокова. Выявлено, что в основном объектом исследования сегодня выступают прозаические произведения писателя, поэтическое наследие В. Набокова, хотя и вызывает научный интерес литературоведов, но комплексных, всеохватывающих исследований лирики поэта пока издано мало. Сегодня научная работа в этом направлении ведется весьма активно, однако отдельные образы его поэзии, в частности, образ России, нуждаются в дополнительном изучении.

Исследование раннего доэмигрантского периода творчества В. Набокова показало, что именно в этот период В. Набоков начал постепенно входить в литературную среду России. Его ранние стихотворения во многом несамостоятельны, еще несовершенны в художественном плане, не всегда встречают поддержку у критиков и знакомых. Однако важно, что именно с них В. Набоков начал свой путь. И именно в них он запечатлел наблюдаемый еще воочию, а не как в дальнейшем – только по памяти образ Родины, России, которую, несмотря на скорый отъезд в эмиграцию, пронесет с собой через всю дальнейшую жизнь.

Выявлено, что в ранней лирике В. Набокова Россия не является самостоятельным объектом поэтического осмысления и поэтической рефлексии лирического героя. Все образы России в ранней набоковской лирике – пейзажные и служат эмоционально-образным фоном, на котором разворачиваются душевные переживания лирического героя (любовь, разочарование, измена любимой и пр.). В целом в ранней лирике Набокова образ России очень чистый, гармоничный, наполненный небесным светом, лазурью, прозрачными, незамутненными красками. Это образ, пронизанный божественной любовью и несущий ее герою. Именно на фоне света и лазури небес России герой ранней набоковской лирике переживает свои лучшие чувства – любовь, упоение, восторг. Но в минуты грусти, разочарования, душевного разлада Россия и ее природа также рядом с героем. Он переживает печаль разлук и любовных расставаний с бесконечными осенними дождями, а

утрату чувств и бесчувствие – вместе со сковывающими просторы России снегами и снежинками, погружающими в безмолвие. Россия в ранней лирике В. Набокова совершенно лишена каких-либо социально-политических коннотаций. Ее образ – сугубо лиричен и, как в поэзии романтизма, служит фоном или отражением личных душевных переживаний героя.

В третьей главе работы прослежена трансформация образа России в лирике В. Набокова в предэмигрантский (1918 г.) и эмигрантский период его творчества (после 1919 г.). Анализ показал, что революция 1917 г. негативно сказалась на судьбах многих и многих жителей России, и Набоков не стал исключением. Вскоре после революции семья Набоковых переехала подальше от революционного «пожара» из Петрограда в Крым, где уже в крымской предэмиграции у В. Набокова образ России стал меняться. На смену первоначальной гармонии и целостности восприятия страны у В. Набокова стал приходить новый, более сложный и более драматичный образ родной страны. Ту родную, оставшуюся вдали от него Россию, поэт все активнее начинает воспринимать как мир, охваченный безумием и «пожаром». Все понимая очень глубоко и давая всему происходящему очень точные, хотя и образные оценки, сам поэт дистанцирует себя от русской драмы.

После 1919 г. состоялась окончательная эмиграция Набокова из России. Писатель уехал из страны за рубеж и больше никогда в Россию не возвращался. Однако если не было возвращения физического, то метафизически, духовно Набоков в эмиграции много раз обращался к далекой от него родине. Анализ показал, что образ России в эмигрантской лирике Набокова стал существенно отличаться от образа Родины, который поэт создавал в ранней доэмигрантской лирике и в стихах крымского периода. После эмиграции из страны Россия стала для поэта не просто органичным пейзажным фоном его стихов, но самостоятельным персонажем, участником многолетнего поэтического диалога, к которому Набоков неизменно обращался на протяжении всей своей жизни в эмиграции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аверин, Б. Дар Мнемозины. Романы Набокова в контексте русской автобиографической традиции / Б. Аверин. – Санкт-Петербург: Амфора, 2003. – 399 с.
2. Александров, В. Е. Набоков и потусторонность / В. Е. Александров. – Москва: Алетейя, 1999. – 392 с.
3. Альманах: Два пути. – Петроград: изд. инж. М. С. Персона. 1918. – URL: <https://libking.ru/books/poetry-/poetry/162878-vladimir-nabokov-almanah-dva-puti.html>. – (дата обращения: 04.05.2023). – Текст: электронный.
4. Анастасьев, Н. Феномен Набокова / Н. Анастасьев. – Москва: Советский писатель, 1992. – 282 с.
5. Аросев, Г. Владимир Набоков, отец Владимира Набокова / Г. Аросев. – Москва: Альпина нон-фикшн, 2021. – 292 с.
6. Бабилов, А. Прочтение Набокова: Изыскания и материалы / А. Бабилов. – Москва: Издательство Ивана Лимбаха, 2019. – 410 с.
7. Барабтарло, Г. А. Сверкающий обруч. О движущей силе у Набокова / Г. А. Барабтарло. – Москва: Гиперион, 2003. – 270 с.
8. Барабтарло, Г. А. Сочинение Набокова / Г. А. Барабтарло. – Москва: Издательский дом Ивана Лимбаха, 2011. – 392 с.
9. Библия. Ветхий Завет. – Москва: Аксиос, 2003. – 1134 с.
10. Бло, Ж. Набоков / Ж. Бло. – Москва: БЛИЦ, 2000. – 198 с.
11. Бойд, Б. «Ада» Набокова. Место сознания / Б. Бойд. – Москва: Симпозиум, 2012. – 340 с.
12. Бойд, Б. «Бледный огонь» Владимира Набокова. Волшебство художественного открытия / Б. Бойд. – Москва: Издательство Ивана Лимбаха, 2015. – 388 с.
13. Бойд, Б. Владимир Набоков. Американские годы / Б. Бойд. – Москва: Симпозиум, 2010. – 560 с.

14. Бойд, Б. Владимир Набоков. Русские годы / Б. Бойд. – Москва: Симпозиум, 2010. – 540 с.
15. Бойд, Б. По следам Набокова. Избранные эссе / Б. Бойд. – Москва: Симпозиум, 2020. – 390 с.
16. Букс, Н. Владимир Набоков. Русские романы / Н. Букс. – Москва: АСТ, 2019. – 412 с.
17. Букс, Н. Эшафот в хрустальном дворце. О русских романах Владимира Набокова / Н. Букс. – Москва: Новое литературное обозрение, 1998. – 292 с.
18. Владимир Владимирович Набоков. – URL www.tyazhinagro.ru/biblioteka/nabokov.pdf. – (дата обращения: 29.04.2023). – Текст: электронный.
19. Гусаков, В. Л. Игровое пространство в поэзии и драматургии В. Набокова: дисс... канд. филол. наук / Гусаков Владимир Леонидович. – Воронеж, 2003. – 199 с.
20. Давыдов, С. «Тексты-матрешки» Владимира Набокова / С. Давыдов. – Москва: Кирцидели, 2004. – 202 с.
21. Джонсон, Д. Б. Миры и антимирy Владимира Набокова / Д. Б. Джонсон. – Москва: Симпозиум, 2011. – 422 с.
22. Дмитриенко, О. Сквозь витражное окно. Поэтика русской прозы Набокова / О. Дмитриенко. – Москва: Росток, 2014. – 380 с.
23. Долинин, А. Комментарий к роману Владимира Набокова «Дар» / А. Долинин. – Москва: Новое издательство, 2018. – 390 с.
24. Зангане, Л. А. Волшебник. Набоков и счастье / Л. А. Зангане. – Москва: КоЛибри, 2013. – 404 с.
25. Зверев, А. Набоков / А. Зверев. – Москва: Молодая гвардия, 2016. – 372 с.
26. Лескин, Д. Ю., протоиерей. О Церкви. О России. О школе: сб. науч. ст. / Д. Ю. Лескин. – Тольятти: Православная классическая гимназия, 2005. – 347 с.

27. Лескин, Д. Ю., протоиерей. Метафизика слова и имени в русской религиозно-философской мысли : дисс... докт. Филос. наук : 09.00.03 / Дмитрий Юрьевич Лескин. – Москва, 2006. – 377 с
28. Маликова, М. Забытый поэт / М. Маликова // Набоков В.В. Стихотворения. – Санкт-Петербург: Академический проект, 2002. – 340 с.
29. Маликова, М. Э. Защита Филда, или Запоздалая рецензия на первую биографию Набокова / М. Э. Маликова // Русская литература. – 2016. – № 1. – С. 220-238.
30. Мартынов, А. Владимир Набоков, отец Владимира Набокова / А. Мартынов // Политконсерватизм: сайт. – URL: <https://politconservatism.ru/articles/vladimir-nabokov-otets-vladimira-nabokova>. – (дата обращения: 10.02.2023). – Текст: электронный
31. Маслова, Ж. Н. Проблема билингвизма и англоязычное влияние в поэзии И. Бродского и В. Набокова: дисс... канд. филол. наук / Маслова Жанна Николаевна. – Балашов, 2001. – 174 с.
32. Мельников, Н. Портрет без сходства. Владимир Набоков в письмах и дневниках современников / Н. Мельников. – Москва: Новое литературное обозрение, 2013. – 410 с.
33. Набоков, В. В. Набоков о Набокове и прочем / В. В. Набоков. – Москва: Независимая газета, 2002. – 388 с.
34. Набоков, В. Д. Временное правительство / В. Д. Набоков // Архив русской революции. – Москва: Терра, 1991. – Т.1. – С. 12-30.
35. Набоков, Вл. Другие берега / В. Набоков. – Санкт-Петербург: Питер, 2017. – 290 с.
36. Набоков, Вл. Лекции по русской литературе / В. Набоков. – Санкт-Петербург: Азбука, 2021. – 480 с.
37. Набоков В. Стихи / В. Набоков. – Мичиган: Ann Arbor, 1979. – 335 с.
38. Набоков, Вл. Стихи, 1916. – URL: <https://filosoff.org/nabokovvladimir/wp-content/uploads/sites/338/2020/04/stixi->

1916-vladimir-vladimirovich-nabokov.pdf . – (дата обращения: 23.04.2023). – Текст: электронный.

39. Набоков, Вл. Страна гибнет: воспоминания о Февральской революции 1917 года / В. Набоков. – Москва: Книга, 1991. – 220 с.

40. Носик, Б. Мир и дар Владимира Набокова. Первая русская биография / Б. Носик. – Москва: Пенаты, 1995. – 422 с.

41. Носик, Б. М. В страшный час над Черным морем / Б. М. Носик. – URL: <https://biography.wikireading.ru/118740>. – (дата обращения: 20.02.2023). – Текст: непосредственный.

42. Питцер, А. Тайная история Владимира Набокова / А. Питцер. – Москва: Синдбад, 2016. – 388 с.

43. Погребная, Я. В. «Плоть поэзии и призрак прозрачной прозы...». Лирика В. В. Набокова / Я. В. Погребная. – Москва: Флинта, 2011. – 247 с.

44. Проффер, К. Ключи к «Лолите» / К. Проффер. – Москва: Симпозиум, 2000. – 360 с.

45. Салиева, Л. К. Риторика романа Владимира Набокова «Дар». Фигура мысли / Л. К. Салиева. – Москва: Издательство МГУ, 2012. – 248 с.

46. Старк, В. Пушкин в творчестве В. В. Набокова / В. Старк // Владимир Набоков: pro et contra. – Т. 1. – Москва: РХГА, 1999. – 976 с.

47. Старк, В. Стихи. О поэтическом опыте Владимира Набокова / В. Старк. – URL: http://gatchina3000.ru/literatura/nabokov_v_v/museum/first_poems.htm. – (дата обращения: 10.02.2023). – Текст: электронный

48. Владимир Набоков: pro et contra. – Т. 1. – Москва: РХГА, 1999. – 976 с.

49. Владимир Набоков: pro et contra. – Т. 2. – Москва: РХГА, 2001. – 1064 с.

50. Туляганова, Л. «Я предпочел бы Берлину самую глухую провинцию» / Л. Туляганова // Культура: сайт. – URL: [https://www.culture.ru/materials/254376/ya-predpochel-by-berlinu-samuyu-](https://www.culture.ru/materials/254376/ya-predpochel-by-berlinu-samuyu)

glukhuyu-provinciyu. – (дата обращения: 20.04.2023). – Текст: непосредственный.

51. Урбан, Т. Набоков в Берлине / Т. Урбан. – Москва: Аграф, 2004. – 292 с.

52. Федотов, О. И. Поэзия Владимира Набокова-Сирина / О. И. Федотов. – Ставрополь: [б.и.], 2010. – 271 с.

53. Федотов, О. И. Между Моцартом и Сальери. О поэтическом даре Набокова / О. И. Федотов. – Москва: Флинта, 2014. – 228 с.

54. Хомайко, Л. Две любви и одна жена Владимира Набокова / Л. Хомайко. – URL: <https://www.goodhouse.ru/stars/zvezdnye-istorii/vera-nabokova-luchshaya-zhena-hh-veka/?sign=560456687135498,447188902581991>. – (дата обращения: 20.03.2023). – Текст: непосредственный.

55. Хрущова, Н. В гостях у Набокова / Н. Хрущова. – Москва: Время, 2008. – 312 с.

56. Художественный мир поэзии Набокова // Владимир Набоков: современные прочтения: сб. науч. тр. / Отв. ред. Л. В. Скворцов. – Москва: Эксмо, 2006. – С. 97-109.

57. Шифф, С. Вера (Миссис Владимир Набоков) / С. Шифф. – Москва: КоЛибри, 2010. – 392 с.

58. Шраер, М. Д. Бунин и Набоков. История соперничества / М. Д. Шраер. – Москва: Альпина нон-фикшн, 2015. – 410 с.

59. Шульман, М. Набоков, писатель. Манифест / М. Шульман. – Москва: Издательство Ольги Морозовой, 2019. – 392 с.

60. Field, A. Nabokov: his life in part. New York: Penguin Books, 1978 / A. Field. – URL: https://archive.org/details/nabokovhislifein0000fiel_w1t7/page/n7/mode/2up. – (дата обращения: 24.03.2023). – Текст: непосредственный.

61. Grayson, J. Vladimir Nabokov: Biography / J. Grayson. – New York: The Overlook Press, 2005. – 318 с.

62. Nabokov, D. Did He Really Call His Mum Lolita? / D. Nabokov // London Observer. – 1987. – April 26. – С. 3.

63. Nabokov, V. Selected Letters 1940-1970 / Ed. by D. Nabokov and M. J. Brucoli. – San Diego et al.: Harcourt Brace Jovanovich / Brucoli Clark Layman, 1989. – 680 c.